

**ХОРОГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. НАЗАРШОЕВА**

На правах рукописи

БОБОВА ДИЛАНГЕЗ БЕКМАМАДОВНА

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КОНЦЕПТА “ЃЇD” И “XOHA” В ШУГНАНСКОМ И ТАДЖИКСКОМ
ЯЗЫКАХ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Мамадасламов М.С.

ХОРОГ – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Список условных обозначений и сокращений.....	3
Введение.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ	18
1.1. История изучения лексики по лексико-семантическим группам в сопоставляемых языках.....	18
1.2. Изучение лексики « <i>čīd</i> » – « <i>хона</i> » – <i>дом</i> по тематическим группам в сравниваемых языках.....	21
1.3. Словообразовательный анализ производной лексики в сопоставляемых языках.....	47
1.3.1. Производная лексика с корнем шугнанского <i>mīzdōw</i> и таджикского сохтан (строить).....	60
1.3.2. Префиксальные и суффиксальные дериваты от «строить» в шугнанском и таджикском языках	62
1.4. Классификация лексики шугнанского <i>čīd</i> и таджикского <i>хона</i> – дом	65
Выводы по первой главе.....	70
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ, СВЯЗАННОЙ СО СТРОИТЕЛЬСТВОМ ШУГНАНСКОГО «ČID» И ТАДЖИКСКОГО «ХОНА» – ДОМ.....	73
2.1. Семантические особенности и структура слов « <i>čīd</i> » и <i>хона</i> » – дом в шугнанском и таджикском языках.....	73
2.2. Фразеологизмы в лексике, связанные с шугнанским « <i>čīd</i> » и таджикским « <i>хона</i> » – дом	86
2.3. Лексико-семантическая группа слов, выражающие внутреннее убранство в сопоставляемых языках.....	89
2.4. Лексико-семантическая группа слов, выражающая внешнее убранство в сопоставляемых языках.....	105
Выводы по второй главе.....	111
Заключение.....	113
Список использованной литературы.....	115
Приложение	132

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СОКРАЩЕНИЙ

бар.яз. – бартангский язык

бадж. – баджувский

бл.степ. – ближняя степень

даль.степ. – дальняя степень

д.л. – динамичную локализацию

ед.ч. – единственное число

мн.ч. – множественное число

м.н. – местоименные наречия

нап. – например

омн. – основа местоименные наречия

после. – послелог

руш. – рушанский

рошв. – рошорвский

с.л. – статическую локализация

см. – смотрите

ср. – сравните

ср.степ. – сравнительная степень

тадж. – таджикский

хуф. – хуфский

шугн. – шугнанский

ш.р. – шугнано-рушанский

лсг. – лексико-семантическая группа

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Во введении обоснованы выбор темы и её актуальность, проанализирована степень разработанности проблемы, чётко сформулированы объект, предмет цель и задачи, а также выносимые на защиту положения, установлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость, теоретическая база, определены методы исследования, теоретико-методологическая основа и основные источники, выведена гипотеза, установлен факт достоверности выводов и личного участия автора в получении результатов, соответствия работы паспорту специальности, описаны способы апробации, сравнения семантического и лексико-грамматического анализа строительной лексики в таджикском и шугнанском языках на материалах *rōtmēru čīd – хонаи помирӣ – памирский дом*. Анализ семантической и лексико-грамматической лексики является одним из самых основных обусловленных материалов в сопоставляемых языках на основе фундамента и строительство *rōtmēru čīd az bulōd-and, сохтани хонаи помирӣ аз зерноя – постройка памирского дома с фундамента*. В данном исследовании рассматривается генезис реального пространства и категории во временном и пространственном отношении в шугнанском и таджикском языках.

Предметом исследования является лексика шугнанского *čīd* и таджикского *хона* в сравнительном аспекте. Искусственность и противоречивость описаний этого лексико-грамматического разряда слов в существующих работах (особенно в ситуации наличия или отсутствия у строительной лексики в широком смысле этого слова значений в шугнанском и таджикском языках на материалах *Pōtmēru čīd / xūnā / maallā* заставили нас обратиться к специальному изучению, в том числе и экспериментальным методам, и к теоретическому осмыслению роли строительной лексики в коммуникации на конкретном материале группы так называемых близкородственных друг другу языков шугнано-рушанской группы

(Западный Памир), входящих в большую восточно-иранскую группу иранской языковой семьи.

Объектом работы является сравнительно-сопоставительный анализ лексики *čīd* и *хона* в шугнанском и таджикском языках.

Структура диссертации представляется логичной и в полной мере, соответствующей целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на соответствующие тематические подразделы, заключения, списка использованной литературы, более 200 источников, и приложения.

Во введении обоснованы выбор темы и её актуальность, проанализирована степень разработанности проблемы, чётко сформулированы объект, предмет, цель и задачи, а также выносимые на защиту положения, установлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость, теоретическая база, определены методы исследования, теоретико-методологическая основа и основные источники, выведена гипотеза, установлен факт достоверности выводов и личного участия автора в получении результатов, соответствия работы паспорту специальности, описаны способы апробации. В первой главе лексико-семантический анализ лексики, связанной со строительством в сопоставительном освещении (шугнанского и таджикского) соискатель исследует изучение лексики по лексико-семантическим группам в сопоставляемых языках.

История *čīd* и *хона* – дом народов шугнано-таджикской группы изучена мало. Хотя история изучения шугнанского языка имеет уже более чем столетнюю давность. Появление первых небольших списков слов шугнанского языка, ваханского, а затем сарыкольского относятся к семидесятым годам прошлого столетия. Изучение истории языков народов Бадахшана (за которыми в последнее время закрепилось название «памирские языки» вместо употреблявшихся ранее «припамирские языки») может пролить некоторый свет на историю заселения его регионов.

К лексике *čīd* можно отнести следующие лексико-семантические группы (ЛСГ):

А) Три горизонтальных деревянных брусков – *sānjen*: 1) *bārṇaxsānǰ*. 2) *vōṛznaxsānǰ*. 3) *čālaksānǰ*. Это три фундаментальные деревянные бруски которые символизируют три царств природы: минерального, растительного и животного.

Б) Пять столбов (колон) – *sitan(en)*. Эти пять столбов при зороастризме символизировали пять Вечно Амешаспантов (2-ой вариант Амешаспентов) – арийской религии, просуществовавшей на Памире до времени Саманидов.

В рамках второй главы «Семантический анализ сложной и производной лексики в сопоставляемых языках», значение сложных и производных слов, их закономерные соответствия в языке должны усваиваться обычным способом: через посредство или с помощью словаря, поскольку реальные соответствия таких слов часто бывает трудно установить, исходя лишь из значений их элементов.

Целесообразно представить основные термины словообразования: словообразовательная мотивация, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо, словообразовательный формант, аббревиация.

Словообразовательная мотивация – это отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо определяется через значение другого, либо тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи.

Словообразовательная цепочка – это ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированной. Начальным, исходным звеном цепочки является немотивированное слово. Чем дальше от исходного слова цепочки какое-нибудь входящее в нее мотивированное слово, тем выше ступень его мотивированности.

Лингвокультурологическое исследование ЛСГ «*cid* – хона» послужит дальнейшему уточнению места данной лексической группы в системе языка. В этом заключается **актуальность** нашей работы, представляющей одну из

частных проблем обширного и многоаспектного исследования специальной лексики.

Выбор темы диссертации обусловлен теоретическим и практическим значением, изучением категорий пространства и времени, языковых средств и их выражений в языке вообще и в интересующих нас языках – шугнанском и таджикском. Изучение языковых средств выражения данных категорий языка, в которых особенно ярко проявляется взаимосвязь языка и мышления, по-прежнему остается актуальным, поскольку без этого невозможен анализ структуры предложения.

Предлагаемая работа представляет собой монографическое исследование с необходимостью дальнейшего изучения языковой концептуализации пространства который способствует выявлению специфических особенностей семантического поля различных уровней в когнитивном аспекте в русле отношений языка с мышлением. В настоящее время в лингвистике на первый план выступает проблема своеобразия смысловой структуры слова в процессе коммуникации. Выявление семантических особенностей слова в языке во многом зависит от системных отношений, которые существуют между словами. Их взаимодействие в лексико-семантической системе является сложным и разносторонним, поэтому в работе представлен достаточно обширный языковой материал. Анализ семантических отношений конкретных лексических единиц имеет актуальное значение не только установления типа семантического взаимодействия и его отличительных признаков, но и для выяснения того, какую роль играют эти отношения в системе языка как социального явления, таким образом характеризуют они семантическую структуру слова.

Специфика лексико-семантической системы проявляется в различных смысловых связях лексических единиц, в особенностях их группировок и характере взаимодействия друг с другом, а также в условиях и формах лексико-семантического варьирования.

Существует огромное количество научных и публицистических работ, посвященных традиционному дому, анализирующие как архитектурные и исторические аспекты, так и религиозно-философские архитектуры, исторические воспоминания различными символическими элементами в содержание данного древнейшего типа жилого дома или очага при семантическом и лексическом анализе сопоставляемых языках. История языка показывает, что для выражения временных отношений используются в значительной мере те же слова, что и для выражения пространственных отношений, и что временные исторически сложились на основе пространственных лексем.

Выбор данной темы вызван исследованием лексического пласта жилища памирских таджиков (*Pōmēru čīd*) в синхронном и историческом аспектах. Изучение «*čīd – хона*» – дом, отвечает требованиям современной восточно иранской лингвистики. Разные периоды развития сопоставительного исследования шугнанского языка с другими разноструктурными языками отражают процессы, происходившие в бесписьменных шугнано-рушанской группе памирских языков, необходимо принципиально новый подход, требующий информационно-инновационного осмысления лексики в фольклорных произведениях прошлых эпох.

Известно, что шугнанские языки состоят из нескольких близко родственных языков и диалектов, в большей или меньшей степени отличающихся друг от друга, что не препятствует взаимопониманию между их носителями языки. Основные языки этой группы шугнанский, рушанский, бартангский, рошорвский, сарыкольский и каждый из них имеет свои очаги, традиции и обычаи. Шугнанский язык как самый распространённый, занимает особое место среди других памирских языков, им владеют также в разной мере носители других шугнанских языков, живущие или учившиеся в городе Хороге, Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистана.

Степень разработанности проблемы. Проблема изучения и анализа лексики в системе сопоставляемых языков привлекает к себе все большее внимание родственных и неродственных, в том числе в бесписьменных языках восточно-иранской группы шугнанских языков. Проблема семантического анализа лексики является одной из наиболее важных изучаемых проблем языкознания. Исследование языков Бадахшанского ареала по-настоящему начиналось только в конце XIX – начале XX века после трудов выдающихся востоковедов, культурологов и историков, таких как Моргестерн, Зарубин, Шоу, Гейгер, Шпенглер и Тойнби, европейским сознанием начало овладевать понимание того, что история Востока наполнена тем же духовным брожением, теми же идейными схватками и самоотверженной борьбой во имя своих убеждений, которыми велик и прославлен Запад.

Начиная с 60-х годов XIX в. в Средней Азии сталкиваются геополитические интересы двух держав – Британской империи и царской России по разграничению сфер влияния. В 1873 г. между Россией и Англией был заключен договор об обозначении границ по Западному Памиру, согласно которому ни Шугнан, ни Рушан и ни Вахан не входили в сферу влияния афганского эмира Абдурахманхана. Сюда царским правительством был послан военный отряд, который полностью восстановил контроль над принадлежавшей России территорией.

Первыми учеными, сделавшими достоянием науки основной массив рукописей, были русские востоковеды И.Н. Зарубин, А.А. Семёнов и В.А. Иванов. Последний из них, оставшийся за пределами России после большевистского переворота, всю свою жизнь посвятил исследованию и публикации этого наследия. Ученый прошёл по всем местам, где сохранились руины замков и кладбищ, и побывал в их общинах, затерянных в высокогорных ущельях Гиндукуша и Каракорума. Просвещенный мир получил истинное представление о народах, их истории и духовном наследии только в начале XX века. Лексикографическое описание шугнанской лексики

представлено в словаре «Шугнанские тексты и словарь» И.И. Зарубина, (1937) и Д. Карамшоева (1964). В своей монографии, посвященной баджувскому диалекту шугнанского языка, Д. Карамшоев даёт подробный анализ функции семантического анализа строительной и гончарной лексики на основе памирского дома и его исследование в устной речи, на основе текстов, записанных автором [Карамшоев, 1964, 10]. В монографии М. Файзова при анализе и описании системы пространственной лексики в шугнано-рушанской группе языков предпринята попытка фиксировать формы и основные значения лексиконов шугнанского и рушанского языков, что даёт возможность установить систему формального и функционального соответствия того или иного предлога в том или другом языке [Файзов, 1966,24] и в трёхтомном словаре Д. Карамшоева «Шугнанско-русский словарь» (1991, 1999, 2005). В монографии Н. Карамхудоева наряду с другими вопросами грамматики бартангского языка проанализирована грамматическая структура простых предложений в этом языке [Карамхудоев, 1973,58], наряду с другими грамматическими и лексическими материалами – монографии и двуязычные словари Аламшоева М., Аламшоева Ш., Джамшедова П., Шодибековой М. и Мамадназарова А. Бахтибекова Т. наряду с другими вопросами грамматики рассматривает структуру, функции и значения предлогов в качестве одной из служебных частей речи шугнанского языка [Бахтибеков, 1979, 6]. Проблема выражения пространственных отношений в сопоставляемых языках привлекает к себе все большее внимание родственных и неродственных языков. Глагольный вид и время подробно исследованы в сопоставительном аспекте в монографиях профессора П. Джамшедова.

Большой вклад в исследовании топонимики и микротопонимики шугнанского языка внесли Р. Х. Додихудоев и Н. Офаридаев.

Целью работы является лексико-семантический и прагматический анализ, связанных с лексемой «*cid*» – «*хона*» в шугнанском и таджикском языках. Основная цель исследовательской работы предполагает решение

нескольких конкретных задач, которые концентрировались вокруг следующих основных проблем:

Задачами исследовательской работы являются:

- исследовать лексику и терминологию, относящиеся к лексеме «*čīd*» в лингво-культурологическом аспекте;
- определить источники и способы образования терминов;
- дать семантический и словообразовательный анализ, определить основные структурно-семантические типы наименований в строительной терминологии, языковые средства выражения строительных понятий;
- произвести историческую реконструкцию терминов и определить основные тенденции развития средств номинации памирского дома “*Pōmēru čīd*”.

Научная значимость работы. Научная значимость заключается в необходимости ввести в научный обиход новый материал, который может оказаться существенным для индоиранской лексики, так как *Pōmēru čīd хонаи помирӣ* – памирский дом воплотил в себе философское миропонимание арийцев и этим отличается от жилища других народов мира.

Исследования последних десятилетий, посвященные истории многих иранских языков, убедительно показали, что материал дает подчас элементы более архаичного общеиранского состояния.

Теоретическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшем углублении нашего представления о характере словообразования лексики на основе западного памирского дома «*Pōmēru čīd*», и их значений. Теоретические положения работы и результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей, более углублённой разработки проблемы в рамках каждого из языков в целом и других языков, в частности, в синхронном освещении. Поскольку теория имеет дело с взаимодействием всех элементов языка в их живом применении, поскольку для неё особенно важна их стилистическая функция и поскольку из всех лингвистических дисциплин с нею особенно тесно связанной оказывается

результаты анализа который повысит эффективность процесса обучения языковым средствам выражения в национальных школах и вузах.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что результаты анализа повысят эффективность процесса обучения языковым средствам выражения пространства и времени в национальных школах и вузах.

Результаты исследования могут послужить базой для создания спецкурсов и спецсеминаров в гуманитарных группах вузов. Выявление сходств и различий в способах выражения в сопоставляемых языках способствует преодолению языковой интерференции, а также типовых ошибок, возникающих в связи с переносом стереотипов родного языка (шугнанского) в изучаемом государственном таджикском языке. Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что, собранный материал можно использовать для издания словаря шугнанского и таджикского языков. Результаты исследования могут быть использованы при проведении лекционных и практических занятий по лексикологии, практической устной и письменной речи, лингво-страноведению, лингвокультурологии, социолингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, переводоведению и в спецкурсах по сопоставляемым языкам. Выявление сходств и различий в сопоставляемых языках способствует преодолению языковой интерференции, а также типовых ошибок, возникающих в связи с переносом стереотипов родного языка (шугнанского) и государственного таджикского языка.

Методы исследования. В работе использованы метод лингвистического описания, синхронно-диахроний анализ лексики, хронологический и исторический методы. Основными приёмами методики сопоставительного исследования двух родственных языков осуществлены в следующих приемах:

а) предложения, словосочетания, отдельные словоформы, не связанные смысловой общностью, составляющих их лексических единиц;

б) сопоставление предложений, словосочетаний, слов на материале перевода с одного языка на другой;

в) сопоставление предложений, словосочетаний и словоформ на материале перевода с одного языка на другой;

г) экспериментальные методы и теоретическое осмысление роли строительной лексики в коммуникации на конкретном материале.

Практически обычно эти приёмы сопоставления сосуществуют в рамках одной работы и друг друга дополняют (первый же вид почти и не мыслим в качестве единственной формы сопоставления пределах скольконибудь, значительной по размеру работы.)

Второй приём сопоставления имеет над первым то важное преимущество, что сопоставляемые явления двух или трёх языков имеют общее в смысловом разрезе, а это позволяет более полно выявить черты как сходство, так и формальные и функциональные различия, придаёт всему анализу большую конкретность, особенно в том случае, когда используется материал реально существующих переводов и, когда привлекает несколько переводов (или создаётся несколько вариантов возможного перевода данного отрезка текста).

Для достижения решения поставленных в работе задач по изучению лексиконов в аспекте их сравнения используется целый комплекс методов и приёмов семантического анализа, выработанных в современном языкознании. Для решения поставленных целей и задач в работе использовались следующие методы: а) метод исследования проводилось при помощи сравнительно-сопоставительного анализа, основанного на выявлении сходств и различий в структуре, семантике и функциях лексики на материалах строительства памирского дома в шугнанском по сравнению с таджикским языком: б) методы статистического анализа, сравнительный метод и метод наблюдения; в) метод эксперимента заключалась в том, что доминирующим методом при работе с информантом были предложены различные ситуации, отражающие как пространственную, так и временную

ориентацию действия, расположения и состояния. г) в работе используется также метод компонентного анализа лексических единиц для выявления окружения, сущность которого заключается в толковании значений слов в словарных исследуемых единицах через набор присущих им семантических компонентов.

Методика выявления семантических особенностей базируется на установлении взаимоотношений лексико-семантических вариантов отдельных слов, на анализе синонимических и антонимических отношений групп лексических единиц, парадигматических и синтагматических отношений слов в лексико-семантической системе таджикского языка, соответствующий или частично соответствующей с сопоставляемыми языками. Изложенные методы анализа семантических особенностей слов могут быть использованы в учебных целях.

Методологической базой исследования послужили положения, разработанные в научных трудах по лексике *дом* в языке, таких как Н.Л. Фрутюнова, О.Е. Беспалова, Н.Н. Болдырева, Р.Х. Додихудоева, Д., Карамшоева, М.М. Аламшоева, Ш.С. Некушоева и др. Характерология как особое направление сопоставительного описания оправдана как подход, последовательно совмещающий два фактора исследования; **во-первых**, это «внешний» фактор: языковые явления, выбранные в качестве объекта изучения лексики, исследуются в контрастивном аспекте; **во-вторых**, это «внутренний» фактор для каждого из языков устанавливающаяся внутренняя взаимосвязь выявленных лексических единиц разносистемных языков.

Сбор языкового материала проводился при помощи сравнительно-сопоставительного метода на основе материалов, извлеченных из письменных источников, а именно произведений оригинальной шугнано-рушанской и бартангской, а также с помощью материалов социальных сетей. Для анализа в исследовательской диссертационной работе послужили также наши собственные записи во время проведения эксперимента и наблюдений на местах распространения шугнанского языка, а также сплошная роспись

текстов и фразовых примеров из опубликованных работ Зарубина (1960), Пахалина (1966), Карамшоева (1963), Карамхудоева (1973), Курбанова (1976), Бахтибеков (1979), Мирзабдинова (1989), Аламшоева М., Мирзоева Ш, Некушоева Ш. и др. Обращалось внимание также на собственное речеупотребление автора, для которого шугнанский язык является родным.

Материал исследования. Основным источником при написании диссертации послужила картотека в объеме свыше 10226 слов, предложений и фраз из таджикских, русских, и шугнанских исторических научных источников, литературных текстов и словарей.

Диссертация базировалась на материале; 1) словарей и текстов шугнанского языка Зарубина И.И. (1914-1928), Карамшоева Д. (1991-1999, 1997-2003), Т. Бахтибекова (1979), Аламшоева М., Аламшоева Ш. (в трех томах), П. Джамшедова и М. Шодибекова. Также материалы, собранные автором путем сплошной выборки из художественной литературы на таджикском и шугнанском языках. 2) словарей таджикского языка и 3) англо-таджикских словарей Абдусалома Мамадназарова, Вафоназара Мамадназарова и П. Джамшедова.

Новизна результатов проведенных исследований. О новизне и актуальности данной диссертации свидетельствует тот факт, что языковые средства выражения лексико-семантической группы (далее ЛСГ) *čīd – хона* и лексика на основе строительства памирского дома в пространстве и времени в шугнанском языке, очень мало изучены.

Средства выражения интересующих нас лексики рассматриваются в сравнительно-типологическом аспекте, с учетом положений функциональной грамматики и морфологии, лексико-синтаксической семантики и отчасти лингвистики текста. Типовые свойства выражения пространства и времени определяются типовыми особенностями строя исследуемого языка, дающими богатый материал для выявления средств выражения темпоральности и локальности.

Основные положения диссертации, определяющие новизну исследования, заключаются в следующем:

1. Для выражения пространственных отношений в шугнанском и таджикском языках используется пространственная лексика, сочетаясь с названиями строительной и гончарной лексики, а также наречия с пространственными значениями, выражающими разнообразные оттенки локативных значений. В шугнанском языке используются также такая лексика, которая связана с конструкцией памирского дома во взаимном отношении между сопоставляемыми шугнанским и таджикскими языками.

2. По категориально-грамматическим отношениям и структурным свойствам сочетания с именными пространственными лексемами в шугнанском и таджикском языках имеется сходство, совпадение, но также имеют некоторые различия в фонетическом ракурсе, так как с семантикой каждой лексемы в шугнанском языке связано формирование определенной грамматической формы имени существительного, в связи с которым выделяются три лексико-грамматические группы, употребляющиеся с определённым словом.

3. Система пространственных отношений в сопоставляемых языках образует строгую структуру, представляя собой тесно взаимосвязанные лексико-семантические группы, объединенные на основе определенных семантических признаков, иерархических по своей характерологической характеристике, на ядерные и периферийные части в зависимости от полноты или частичности отражения лексемой в общесемантических признаках, семантических пространственных отношениях.

Апробация исследования. Результаты исследования излагались автором на ежегодных научно-методических, научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава Хорогского государственного университета имени М. Назаршоева (2018-2022) и на международных научных конференциях. По теме диссертации опубликованы 3 статей в ведущих

журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, а также 3 статьи в других научных журналах.

Личный вклад автора диссертации. Общая концепция диссертации, ее актуальность, структура, уровень рассматриваемых в ней проблем, сформулированные основные результаты и выводы работы, положения, выносимые на защиту, отражают конкретный творческий вклад автора и его точку зрения на рассматриваемую проблематику. Автор принимал активное участие в процессе сбора материалов по регионам, в постановке задач, разработке методик и проведении аналитических расчетов, систематизации и обобщении полученных результатов, информационном обеспечении исследования, отбор материала по ЛСГ памирского дома.

Структура диссертации. Диссертационное исследование объемом более 133 страниц включает в себя введение, две главы с выводами к ним, заключение, список использованной литературы, насчитывающий более 200 наименований и приложение.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

1.1 История изучения лексики по лексико-семантическим группам в сопоставляемых языках

Языковедческая история народов шугнано-рушанской группы изучено мало. История изучения шугнанских языков имеет уже более чем столетнюю давность. Появление первых небольших списков слов шугнанских языков, в частности ваханского, а затем сарыкольского относятся к семидесятым годам прошлого столетия. Несколько позже, в 1876 году, английский исследователь Р. Шоу опубликовал первые краткие грамматические сведения, с приложением трех текстов и списков слов по сарыкольскому и ваханскому языкам, а в 1877 году собрал материал по шугнанскому языку. Материал Р. Шоу долгое время оставался единственным источником изучения памирских языков. Он использовался многими специалистами в их сравнительных-исторических и этимологических исследованиях. После опубликования работы Р. Шоу его материал был использован чешским лингвистом Томашеком. Впоследствии, материал, содержащийся в трудах Р. Шоу, использовался в работах К.Г. Зелемана, В. Гейгера, И.И. Зарубина, Г. Моргенштерне и других исследователей (Соколова, Гюренберг 1962). В 1883 году, путешествуя по Памиру, горный инженер Д.Л. Иванов во время своего пребывания в Бартанге, Шугнани и Рушани сделал некоторые записи по шугнанскому языку. В 1914 году русско-французским Комитетом по изучению Средней Азии была организована экспедиция на Памир в составе Р. Готье и И.И. Зарубина. Особенно большой материал по памирским языкам был собран И.И. Зарубиным во время его двухлетнего пребывания на Памире в 1915-1917 гг. Географически Памир называется высокогорной областью Центральной Азии, площадь которой составляет почти 92 тыс. км². Большая часть ее территории (65, 7 тыс. км²) принадлежит Республике Таджикистан, а

восточная и южная ее окраины находятся в пределах Китайской народной Республики и Народной Республики Афганистан.

Уникальной природой Памира всегда интересовались исследователи и путешественники всего мира. Это суровый горный край – родина древнего народа, о котором мало было известно. Памирские таджики разделяются на северных и юго-восточных. Среди первых наиболее многочисленных народов, проживающих в этих горных регионах, живут разные этнические группы, среди которых по численности – 100 тысяч человек составляют шугнанцы, рушанцев в три раза меньше, сарыкольцы почти 25 тысяч человек, и язгулямцы причисляются к самым малочисленным народам. Основную часть южных территорий составляют ваханцы, их численность почти 70 тысяч человек, а сангиличцев, мунджанцев, ишкашимцев на много раз меньше и все эти люди относятся к одной части Памира – ферганские Субразии. В настоящее время, в соответствии с требованием Закона Республики Таджикистан о языке ведётся работа по созданию письменности для языков шугнаноязычных этносов Горного Бадахшана. В связи с этим, данное исследование не только послужит источником для составления учебников по языкам шугнано-рушанской группы, но и наглядно может свидетельствовать о взаимоотношениях памирских бесписьменных языков с государственным таджикским языком. Шугнанский дом «*čīd*» до сих пор сохранил свою древнюю архитектуру. Первое, что можно увидеть, войдя в дом – это большое просторное помещение, где стоят пять столбов, и два у входа «*dupreša*» соединены между собой деревянной перекладиной, которая называется «*buckiyij*» – поперечный деревянный держатель двух столбов. На нее в древние времена верёвкой подвешивали для раздела туши барана или козла. В центре дома смонтирована сливная яма «*obxin*», в которую сливалась использованная вода, которая накрыта плоским камнем с отверстием. По всему периметру дома располагается ступенчатое возвышение, которое условно делится на сектора – кухонную часть «*kisor*», места для приема гостей и принятия пищи, отдыха и сна. Еще в прошлом

веке еду в памирских домах готовили на очаге, но в последнее время им пользуются только в селах. Многие перешли на современные плиты. Но «*kisor*», как историческая реликвия, сохранился в доме и сегодня. Место очага «*kisor*» – это женская территория, самая теплая зона, где готовили незамысловатую еду горцев, пекли хлеб, а зимой еще и грелись. Слева от входа – гостевая зона «*barnex*». Возвышение между зоной очага и гостевой отведено для детей, – описывает он. Отдельного внимания заслуживает потолок – это уникальный образец архитектурного искусства. Он представляет собой четырехступенчатое, ярусного типа сооружение «*ĉorxūna*», в центре которого имеется квадратное отверстие. Эти квадраты (ярусы) наложены друг на друга так, что углы одного приходятся на середины сторон другого. Плоская крыша укладывается на стропила. В середине «*ĉorxūna*» расположено окно «*rūz*» для прохождения в дом свет.

Древние строители ориентировались на стороны света и солнца, и ставили дом так, что по окну – «*rūz*» в потолке, через которое внутрь проникали лучи солнца, люди определяли время. Потолок и столбы с балками всегда делались из дерева, шугнанцы и таджики и сегодня стараются строить дома, соблюдая древние архитектурные традиции. Жители уверены, что «*ĉīd*» – дом является образом который, согласно «Авесте», построил царь Йима (Джамшид), спасший человечество во время Всемирного потопа (как Ной в Ветхом Завете).

Шугнанский «*ĉīd*» помогает людям не терять навыки коллективной жизни, передавать из поколения в поколение материальную и духовую культуру предков, сохранять свою идентичность, а также древние шугнанские языки и обычаи. Все ритуалы, начиная с рождения ребенка и заканчивая похоронами, проводятся в традиционном доме, – говорит авестолог и поэт Салимшо Халимшо.

1.2. Изучение лексики «*čīd*» – «*хона*» – *дом* по тематическим группам в сравниваемых языках

Слова отражают связи, которые существуют между предметами и явлениями в самой действительности. Вместе с тем, слова являются единицами языка, и между ними существуют собственно языковые связи: они объединяются в определённые лексико-семантические группы, в каждом языке по-своему членятся те или иные отрезки действительности (например, в немецком и шугнанском языке названия возвышенностей: Все слова (многозначные – в каждом из своих значений) находятся в определённых соотношениях с другими словами. Одной из главных задач семасиологии как одного из разделов лексикологии является выяснение тех семантических противопоставлений, которые существуют между различными словами, в том числе синонимическими и антонимическими. Именно противопоставление значений различных слов делает возможным выделение существенных семантических признаков, которыми определяется данное значение слова.

Возможность сочетания слова с другими словами, теснейшим образом связана с его значением. Для многозначных слов именно сочетаемость и определяет то, что слово выступает в том или другом значении (ср.: «*zimāδ čintōw*», «*кандани замин*» – рыть землю; «*zimāδtewexčīn*» (*nistōw*), «*дар болоу замин афтидан*» (*нишастан*) – лечь на землю; «*xīnōwari qati tar zimāδ nahtidōw*», «*шино карда ба замин баромадан*» – приплыть к земле, «*xīr zimāδ garginuxā nōyδ*», «*офтоб дар гирди замин чарх мезанаδ*» – солнце вращается вокруг земли и т.д.

К задачам лексикологии относятся определение слова как основной единицы языка, выяснение связи значения слова с понятием, выделение различных типов значений слов. Одной из основных задач, которую призвана решить лексикология, является установление различных видов системных

отношений, существующих внутри различных групп лексики, установление тех объективных показателей, которые объединяют слова друг с другом.

Индивидуальная прикреплённость лексем к различным предметам и явлениям внеязыковой действительности, как подчёркивает Д.Н. Шмелева, делает отношения между ними чрезвычайно разнообразными и сложными. Поэтому всякая попытка систематизировать эти отношения, установить определённые типы связей между отдельными значениями многозначных слов не может не быть известным упрощением этих связей. Однако это не значит, что всякого рода систематизация в данной области вообще невозможна или не оправдано (сложность и разновидность изучаемого материала как раз требует его определённой систематизации), но необходимо иметь в виду, что предлагаемые схемы только в известной мере отражают подлинную сущность рассматриваемых связей, а потому почти всегда имеют условный характер. Как известно, словарный состав языка не представляет собой механическую сумму изолированных друг от друга в лексико-семантическом отношении отдельных слов. Вопрос о лексико-семантической взаимосвязи слов, объединении слов в разнообразные лексико-семантические группы или ряды давно уже ставился в лингвистической литературе. Например, М.М. Покровский в свое время писал: “Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются, независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению. Понятно уже, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях”. Покровский с основанием считал, что в каждом языке на данной ступени его развития имеются семантические группы слов, свойственные только этому языку, причем своеобразия каждого языка в этом отношении могут быть обнаружены лишь при помощи сравнительного изучения. Однако М.М. Покровскому не удалось даже приближенно

определить лексико-семантические группы слов, как категории словарного состава языка, отграничить их от других связей слов.

Под влиянием воззрений М. Бреала о «Взаимной ассоциации слов» М.М. Покровский рассматривал проблему с психологических позиций, смешивая “круги представлений”, обозначаемых словами, с собственно значениями слов. Он усматривал в лексике, в образовании новых слов, такое же действие аналогии (своего рода “всеобщего семасиологического закона”), как в фонетике и грамматике. В сущности, поставленная им лексикологическая проблема трактуется в грамматическом плане. Таким образом, своеобразие лексико-семантических групп, как явлений словарных, оставалось нераскрытым.

Среди различного рода воззрений на природу семантических связей слов, высказанных за последние два-три десятилетия западноевропейскими лингвистами, заметное место занимает так называемая теория “семантического поля” Йоста Трира, нашедшая себе немало последователей. Согласно Триру, при произношении, любого слова в сознании, говорящего и слушающего всплывает ощущение другого слова или других слов, и семантическом отношении “соседних” с произносимым словом. Это соседство слов друг с другом вызывается сходством или противоположностью их значений, обозначаемых ими понятий. По сходству или противоположности все понятия, заключенные в языке, разбиваются на более или менее замкнутые группы, круги или “блоки” понятий. Каждое понятие реально только благодаря наличию его связи, соотношенности с другими понятиями данной группы. В свою очередь, какое-либо изменение в одном понятии влечет за собой перестройку соотношений между понятиями и, следовательно, изменение и даже отмирание других понятий этой группы, также возникновение новых понятий. Круг понятий и присутствующий в нем механизм соотношений и изменений был назван “семантическим полем”. Каждое понятие имеет свой словесный знак, каждое “семантическое поле” обладает своим “знаковым или лексическим полем”. Как красный сигнал не

имеет никакого смысла без сигналов других цветов, так и слово имеет значения только как часть семантического поля, поскольку в изоляции границы его значения не могли бы быть определены. Совокупность всех этих групп составляет лексико-семантическую систему языка. Сами “семантические поля” в разной степени связаны друг с другом, в частности, по принципу иерархического подчинения (более широкие и более узкие “поля”). Каждое “поле” с течением времени изменяет свою структуру, следовательно, изменяется лексическая структура языка в целом. Задача лексикологии современного языка – изучение “семантических полей” и их взаимоотношений друг с другом в синхронном разрезе, задача исторической лексикологии – изучение этих “полей” в диахроническом разрезе.

В представлении Трира о механизме развития “семантического поля” в принципе не имеется ничего нового. Между отдельными компонентами “поля” существует “семантическое равновесие”, основывающееся на сопоставлении и противопоставлении значений слов. Когда же один из компонентов (или несколько компонентов) претерпевает изменение, “семантическое равновесие” нарушается, происходят сдвиги в значениях слов всего “поля”, что приводит к новому равновесию, к образованию измененной структуры “семантического поля”.

Лексико-семантические группы слов представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям. Для ясности следует сказать, что под лексическим значением мы понимаем предметное (в широком смысле) содержание слова, соотнесенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений и т. п. В основе лексического значения лежит понятие, которое, однако, не тождественно значению. Лексические значения слов могут быть близки друг к другу (ср. *wēd / wān* - *монал*; *stern* и *xterz* и т. д.), могут и вовсе не иметь друг с другом никаких связей (яблоко и черепаха, кровь и дрова и т. п.). Разумеется, это относится как к прямым, так и переносным значениям слов, также и образным их употреблениям. Связи между словами по их лексическим

значениям весьма разнообразны и обусловлены различными причинами. Чтобы попытаться определить, что такое лексико-семантические группы слов, как явление языковое, как продукт исторического развития конкретного языка или диалекта, необходимо наметить границы этих групп, отделяющие их от других соприкасающихся с ними категорий.

Прежде всего, оказываются неясными границы между тематической классификацией словарного состава и лексико-семантическими группами слов. В практике лексикологических исследований, когда изучается не отдельное слово, а совокупность многих слов, словарный материал по разным соображениям обычно классифицируется по содержанию обозначаемых им понятий, иначе по темам или сферам употребления, почти безотносительно к тому, в каких отношениях друг к другу находятся слова по их значениям. Объединяет эти слова только то, что они являются названиями определенной группы реалий. Р.Ф. Брандт в статье “Черты доисторического быта славян по данным языка” выделяет разделы: жилище, земледелие, огородничество, скотоводство, охота и рыболовство, одежда, портняжное дело и обувь, плотничье дело и другие. Такого рода объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами. Изучение словарного состава по его тематическим группам законно не только по причине методических удобств при изложении разнородного лексического материала.

Исследование состояния и развития слов, обозначающих различные группы предметов и явлений природы, и общества, важно само по себе, что не требует особых доказательств. Например, нередко выдвигается обширная тематическая группа слов под названием “бытовая лексика” (или лексика, обозначающая предметы и явления быта). Границы этой группы крайне неопределенны, поскольку предметы и явления быта обычно относятся к различным, нередко специальным, видам производства, идеологических надстроек и т. п.

Классифицировать лексику по тематическим группам слов можно с самыми различными целями, и в каждом таком случае состав группы будет изменяться почти независимо от лексико-семантических связей слов.

Тематические группы слов нередко совпадают или могут совпадать с отраслевой лексикой, например, с лексикой отдельных видов производства, науки, и т.п. Различие здесь будет заключаться в наличии или отсутствии специального, терминологического употребления слов и степени их распространенности в языке. Этим самым, конечно, не отрицается специфика термина и терминологических систем. Речь идет не об этой специфике. При сопоставлении тематических, обычно обширных, групп с лексико-семантическими группами слов, обычно ограниченных по своему составу, как будто становится ясным различие между ними. Тематическая группа с ключевым словом дом может включать обсуждения о дизайне интерьера, строительстве, обсуждении дома, советах по уходу за ним, а также другие связанные темы. Если в истории языка по тем или иным причинам в пределах тематической группы происходит замена одного слова другим, то такая замена не приводит к каким-либо изменениям в значениях, стилистической окраске и т.п. слов той же группы, что само по себе свидетельствует почти о “нейтральных” или “нулевых” семантических связях между словами группы, точнее, почти о полном отсутствии таких связей в каком-либо языке на данной ступени его развития. Если древнешугнанское слово *čōxdūn* – сундук круглый, который сделан из урюкового или орехового дерева в результате семантического уточнения в современном шугнанском языке может означать *sandū*», *čamadān*, *yāxdūn*, *sūmka* и постепенно вытесняется этимологически неясным, то это изменение никак не отражается на значениях и употреблении слов *yašik*, *karōrka* – ящик, коробка и т.п. Между тем совершенно очевидна тесная семантическая связь в современном шугнанском языке между словами *čōxdūn* и *sandūq*, *čamadān*. В просторечии оба эти слова в определенном речевом контексте взаимозаменяемы.

И все же только одно эмпирическое сопоставление тематических и лексико-семантических групп не может решить проблемы. Например, когда мы имеем дело с ограниченной по своему составу и неделимой или почти неделимой тематической группой слов, положение очень осложняется. Трудность разграничения тематических и лексико-семантических групп слов обуславливается, прежде всего, сложностью разделения словарного состава, как специфического явления языка и внеязыкового содержания.

Как известно, в словах и соединениях слов в предложении регистрируются и закрепляются результаты работы мышления, успехи познавательной деятельности человека. Словарный состав языка отражает почти безграничное многообразие познанных человеческим обществом объективно, независимо от нашего сознания, существующих предметов, явлений, свойств, качеств, действий и т.п. реальной действительности, связей и отношений между ними. Естественно, поэтому слово обозначает явления действительности не изолированно, а как составной элемент лексической системы языка, и имеет многообразные связи с другими словами.

Однако, эти связи между словами, отражая объективную действительность, имеют специфическое преломление в каждом языке на данном этапе его развития, обусловленное исторически сложившимися внутренними законами языка (что, конечно, не исключает сходства языков в этом отношении). Общее между тематическими и лексико-семантическими группами слов заключается в том, что и те, и другие группы отражают познанную объективную действительность. В этом смысле любая лексико-семантическая группа слов всегда имеет свою “тему”, пусть даже будет идти речь о группе очень близких друг к другу синонимов. В этом плане не может быть разделения слов на тематические и лексико-семантические группы. Более того, любая лексико-семантическая группа слов входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь ее составной частью. Тематическая соотнесенность – один (но не единственный и не решающий) признак лексико-семантической группы слов. Различие между этими типами связей

слов определяется тем, что лексико-семантические группы слов представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как тематические группы слов, само их наличие или отсутствие в каком-нибудь языке, их состав, зависят только от уровня знаний того или иного народа – создателя и носителя языка, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения. Если мы не считаем, что значение слова тождественно понятию, то мы также не должны отождествлять связи между значениями слов и связи между понятиями. Такой подход к делу, как нам представляется, позволяет наметить особенности лексико-семантических групп слов, их языковую специфику, включая и те многочисленные случаи, когда в поле зрения исследователя попадает ограниченная по своему составу группа слов, которая одновременно может быть и тематической, и лексико-семантической. Для примера, в антонимах, типа *свет и тьма*, семантическая связь между которыми совершенно очевидна. Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причем при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чем-либо существенном их значения.

Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собой внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития. Яркий пример тому синонимические разряды слов. Каждая синонимическая группа слов в определенном языке на определенной ступени его истории настолько тесно семантически спаяна, что ее компоненты не могут произвольно классифицироваться без нарушения существующих между ними отношений. Это и понятно, поскольку слова-синонимы имеют одно значение (независимо или в зависимости от “контекста речи”, типов словосочетаний, фразеологических сращений и т. п.), осложняемое эмоционально-экспрессивной окраской, различными стилистическими признаками, или несколькими значениями, которые в основном

совпадают друг с другом и отличаются только оттенками. Иначе, синонимическая группа слов обозначает одно понятие.

Синонимические отношения нарушаются, если сопоставляются различные значения одних и тех же многозначных слов. Ср. родной (в значении находящийся в кровном родстве) и милый которые не являются синонимами и даже вовсе могут не иметь в определенных речевых контекстах непосредственных семантических связей (“родной отец был ему враг”). Между прочим, недостаточный учет или непонимание того, что синонимы обозначают одно понятие, приводит ко многим недоразумениям в определении синонимических групп слов, примеров чему можно было бы привести множество.

Изучение истории синонимических групп слов, в частности, в сравнительно-историческом плане (известно, что состав компонентов и соотношение между этими компонентами одних и тех же синонимических групп даже в близкородственных языках далеко не всегда бывают одинаковыми) представляет собой одну из важных задач лексикологии. Менее ярким примером тесных семантических связей между словами являются антонимы, которые немыслимы одни без другого, без противопоставления значений, также, впрочем, как и немыслимо существование отдельно взятого, ни с чем не сопоставляемого, изолированного синонима.

Синонимические и антонимические отношения – два важных вида семантических связей слов в рамках той или иной лексико-семантической группы, однако, этими связями дело не ограничивается. Существуют и другие, несомненно, разнообразные семантические взаимосвязи слов. Слова сказать и говорить не являются синонимами, поскольку они обозначают хотя и очень близкие, но разные понятия и к тому же имеют в отдельных своих значениях различия по глагольному виду, весьма показательна для тех отношений, которые существуют в пределах той или иной лексико-семантической группы. Отношения между словами *сказать и говорить, день*

и ночь можно определить, как отношения такой непосредственной близости их значений, без которой немислимо само существование этих слов, по крайней мере, на определенном этапе развития языка. Это своего рода лексико-семантические сращения в языке.

Разумеется, речь здесь идет не о словообразовательной, а о семантической производности, поскольку к ведущим значениям могут примыкать значения, совсем не обязательно выражаемые однокорневыми словами. Лексико-семантического сращения в данном случае нет, но налицо семантическая зависимость вторых слов от первых, как, впрочем, и обратно. Без опорных слов не была бы выражена общая семантическая идея лексико-семантической группы, а без производных слов эта идея была бы обледенена. В обобщенном значении «дом, как пространство семьи» обе лексические единицы могут быть заменены друг другом. К примеру: шуг. *tar čid sa – tar xйна sa – иди домой*; *xu čid-and niʒ – xu xйна-ndi niʒ – сиди дома*. Однако существуют случаи, когда данные синонимы не заменяют друг друга не по причине искажения в семантике, а по причине ситуативно-обусловленной формы употребления этих эквивалентных единиц. В основном, такие языковые нормы наблюдаются в сложных словах, к примеру, в составе слова шуг. *čid(d)edi*, руш., хуф. *čodindayd*, бр. *čodindidd* рош. *čodindayd*, которое обозначает новоселье и состоит из двух исконных знаменательных частей: шуг. *čid u dedi*, руш., хуф. *indayd* шуг. *dedow*, руш., хуф. *indaydow* – входить, единица *eld* не может быть заменена словом *xйна*. Также в составе слова шуг. *Xйнаdori* – хозяйство единица шуг. *xйна*, руш., хуф., бр., рош. *xона*, сар. хинд не может быть заменена словом *eld*. Лексическая единица *xйнаdori* состоит из двух заимствованных знаменательных слов: «*xйна*» тадж. «хона» – дом и «*dori*» тадж. «*доштан*» – иметь.

Исключение имеет слово шуг. *xunagi*, руш., хуф., бр. рош. *xonagi* тадж. *xonagi* – домашний, которое в шуг.-руш. группе языков имеет синонимичную пару: шуг. *čidaki*, руш., хуф. *čodakay*, бр. *čodaki* – домашний. Слово *xйна* можно встретить также в составе следующих лексических единиц: шуг.

boloxūna, тадж. болохона – летняя надстройка на втором этаже дома, где первый компонент тадж. слова *bolo* – верх, верхний, букв. "верхний дом". Также единица *dorixūna* – аптека, в которой первая часть является заимствованием из тадж., перс. *doru* – лекарство. Слово *dokxūna* на нынешнем этапе развития шугнано-рушанских групп языков не используется носителями языка и входит в состав архаизмов. Впрочем, как уже было сказано выше, пропасти между тематическими и лексико-семантическими группами нет и не может быть. Каждая лексико-семантическая группа имеет свою "тему", но далеко не каждое классификационное объединение слов по той или иной теме представляет собою данное в самом языке объединение значений (синонимических, антонимических, взаимосвязано-уточняющих и др.).

Основной, решающей причиной изменений в языке являются изменения в общественной жизни людей, поскольку язык непосредственно связан с производственной и всякой иной деятельностью человека. Проследить такого рода изменения в плане анализа лексико-семантических групп нагляднее всего можно на словах, обозначающих предметы дома и домашнего очага. Обратимся к упомянутым выше нарицательным названиям населенных пунктов.

Семантическая зависимость слов друг от друга, их семантическая взаимосвязь предполагает наличие разных видов непосредственной близости, частичных, иногда и полных совпадений или противопоставлений лексических значений слов. Лексика строительства, особенно в деревне, обусловлена серьезными изменениями в группе нарицательных названий населенных пунктов. Такие слова, как посад, починок, выселок, слобода в русском языке устарели и фактически перешли в категорию так называемых исторических терминов. Разница между селом и деревней теперь заключается лишь в том, что село – большое колхозное селение, а деревня – колхозное селение меньше села. Впрочем, и эта разница начинает стираться. Оба слова вступают в синонимические отношения. Как было уже отмечено

выше, особенно расширилось употребление слова поселок. Расширилось и его значение. Поселок – не только селение городского типа, которое при дальнейшем росте может стать городом (многие поселки, как известно, переименовываються в города). Таким образом, зависимость значений слов друг от друга, от их места в группе, в которую они входят, непосредственная их семантическая близость, частичное или почти полное совпадение значений, возможность их взаимозаменяемости при определенных условиях – все это дает нам основание определять приведенные названия населенных пунктов как лексико-семантическую группу слов. Этот вывод подтверждается и сравнительно-историческими данными.

Прежде чем указать на семантические связи между этими словами, напомним об особенностях их значений и употребления. Слово город в древненемецкую эпоху сохраняет еще свое архаическое значение «огороженное укрепленное место». Из этого значения развилось *Festung* – “крепость”, укрепленная стенами и рвами центральной части города. По укреплению, крепости городом стали называться все городские поселения. Город – городское поселение в целом (вместе с крепостью) в древних временах явление очень раннее, о чем свидетельствуют многие факты. Двойственность значения слова город, как увидим ниже, сыграла значительную роль в изменениях, происшедших в анализируемой нами лексико-семантической группе слов. В отличие от слова город, весьма многозначное слово место в значении ‘городское поселение употребляется редко, да и то в переводной литературе. Слово пригород, в отличие от современного русского языка, означало не населенный пункт, примыкающий к территории большого города, а город, экономически и политически тяготеющий к главному городу феодальной земли (напр. Ладога – пригород Новгорода).

В результате длительного исторического развития лексико-семантическая группа нарицательных названий населенных пунктов хотя и сохранила общую основу в близкородственных русском и украинском

языках, но имеет и некоторые различия как в своем словарном инвентаре, так и в значениях слов. Рассмотренные выше примеры, конечно, не могут исчерпать многообразия семантических связей слов в огромном количестве существующих и существовавших в немецком языке лексико-семантических групп. Однако, как мне представляется, эти примеры проливают некоторый свет на некоторые особенности лексико-семантических групп слов в их отличии от тематических словарных объединений.

Лексико-семантические группы слов представляют собой собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собой отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношения синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений и т.д, обусловленные разными причинами изменения этих отношений оказывают воздействие на развитие значения отдельного слова (значение расширяется, как можно видеть на примере слова смыть, так или иначе видоизменяется), на самый состав лексико-семантической группы и ее дальнейшую судьбу (рост или сужение количества компонентов группы или же ее распад, замена одних слов другими). Основываясь только на анализе тематических объединений слов, языковед может делать разного рода выводы и предположения (например, о состоянии земледелия у древних славян), важные для исторического изучения языка, но у него не будет никаких оснований судить о внутренних закономерностях развития словарного состава. Анализ лексико-семантических групп слов, наоборот, дает возможность определять одну из важных внутренних закономерностей развития лексики.

Конечно, мы хорошо понимаем, что сказанное выше еще далеко недостаточно для решения поставленной здесь очень трудной проблемы, но, как нам представляется, и эти предварительные наблюдения и замечания

могут оказаться полезными хотя бы для дальнейшего обсуждения вовсе еще не освещенного вопроса о сходстве и различии тематических и лексико-семантических групп слов.

Лексико-семантические группы слов, конечно, не изолированы друг от друга. Можно полагать, что связи между ними осуществляются двумя основными способами: во-первых, путем своеобразного параллелизма или соприкосновения всего круга значений одной группы с кругом значений других групп; во-вторых, посредством разнообразных семантических связей одного члена группы с, другими словами, не входящими в данную группу. Эти способы могут реализоваться и в комбинированном виде. Возьмем для примера группу *сіх – талх – острый, тixр – шур – кислый, батазз – бомазза – вкусный, серпатак – сернамак – соленый*. Слова как *горький – кислый – вкусный – солёный – пересоленный* слова, обозначающие вкусовые ощущения. С этими словами семантически, несомненно, связано слово *вкусный*. Однако, эта связь иного рода, чем связь между словами указанной группы. Связи между этими группами лежат в разных семантических плоскостях, основываются не на сходстве или противоположности, а на смежности значений. Взаимозамещений, синонимических и антонимических отношений между словами этих различных групп не существует. Семантические связи одного члена группы со словами, - не входящими в данную группу, существуют прежде всего благодаря общности значений многозначного слова и общности значений исходного (корневого) слова и его производных.

Если еще учесть многообразные образные употребления слов, возможности которых почти неограниченны, то становится еще более очевидным, насколько неверны представления о семантической изолированности слов, об отсутствии закономерностей в развитии словарного состава языка. От слова к слову, от одной лексико-семантической группы слов к другой протягиваются разнообразные смысловые нити. Весь словарный состав языка представляет собой обширное и сложное соединение

слов и лексико-семантических групп слов, исторически сложившееся на основе семантических отношений и приобретающее огромное значение благодаря грамматике.

Как указано выше, семантические отношения между словами существуют также в связи с сохранением общности значений исходного (корневого) слова и его производных. Слово *бить* входит в лексико-семантическую группу *бить – колотить – ударять* и др. Его производное *битва*, сохраняющее с ним семантическую связь, является членом другой лексико-семантической группы слов: *битва-сражение-бой* и др. Все это совершенно очевидно. Однако, должно быть также очевидным, что лексико-семантическая группа слов и словопроизводное (“гнездовое”) объединение слов – явления различного порядка. Во-первых, распределение слов одного и того же корня по разным частям речи обычно создает различные слова с неодинаковыми, лежащими не в одной семантической плоскости, значениями. Ср. Лексико-семантические группы слов – слова, относящиеся к какой-либо одной части речи. Впрочем, соотношения наречий с прилагательными (*тяжелый – тяжело* и т. д.), существительных и прилагательных типа *назойливый – назойливость* и ряд других соотношений аналогичного характера требуют специального рассмотрения. Во-вторых, как известно, исходное (корневое) слово и его производные могут обозначать самые разнородные значения, развитие которых может привести и приводит к полному разрыву связей между ними. Если одно многозначное слово имеет разнородные, лежащие в разных плоскостях, значения (ср. “человек идет по улице” и “дело идет на лад”), то тем более это относится к словопроизводному объединению слов. Лишь в тех случаях, когда исходное и производное от него слово семантически однородны, положение оказывается иным. *Город* и *пригород* входят в одну лексико-семантическую группу. Таким образом, лексико-семантические группы слов – лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями. Их не следует смешивать ни с грамматическими классами слов, ни с корневыми

объединениями слов, ни с комплексом значений многозначных слов. От так называемых тематических объединений лексико-семантические группы отличаются семантической взаимозависимостью входящих в них слов. Исследование лексико-семантических групп слов, их исторического развития, имеет важное значение для лексикологии во многих отношениях.

Лексика истории и ритуалы *čid* – *хона* – *дом*. Дома, схожие по архитектуре с памирским *čid*, в древние времена строили не только на Памире. Зерафшанские дома (имеются ввиду дома населения Зерафшанской долины, расположенной в Таджикистане и Узбекистане. – Прим. «Ферганы») две тысячи лет назад по своей структуре были как традиционные памирские дома – с колоннами, со сводчатым потолком, завершающимся окном в небо. Раскопки это подтверждают. Это не какая-то архитектурная самобытность Памира. Просто часть таджиков, бежавшая в труднодоступные горы, сохранила там элементы той культуры, которая когда-то была присуща их долинным предкам, – отмечает известный таджикский режиссер Давлат Худоназаров. Еще во II тысячелетии до н.э. индоиранские народы, населявшие Центральную Азию, Индию и Иран, по данным археолога Е. Кузьминой, сооружали жилища «в виде большой полуземлянки с очагом и лежанками вдоль стен, шатровым или ступенчатым перекрытием на опорных столбах и световыми отверстиями в потолке». Дома такого типа, считает архитектор Мунаввар Мамадназаров, по своему строению похожи на древнегреческий дом – храм (мегарон) прямоугольного плана с очагом посередине, который возник в эпоху балканского неолита в начале IV тысячелетия до н.э. В жилищах древних этрусков, которые населяли Апеннины в X-IX веках до н.э., а позже и римлян так же, как в памирском доме, присутствовали отверстие для воды в полу и окно в потолке. А ступенчатый деревянный потолок обнаружен в домах народов Закавказья и Турции. Но до наших дней эти элементы архаики сохранились в архитектуре только памирских горцев. Памирцы до сих пор хранят древние ритуалы

строительства дома. Большое значение всегда придавалось выбору места для постройки, а потом уж этапы стройки.

1.2. Сакральная лексика и символы шугнанского «čīd» – дом

В памирском доме каждая доска имеет сакральный смысл, и, если я буду рассказывать о каждой детали, целого дня не хватит. Поэтому остановимся на самых главных, – сказал: «Фергане» знаток истории Памира журналист Гулос Мамадлоиков. Опорой памирского дома являются пять столбов от пола до потолка. Они символизируют горный мир, где обитают пророки и святые, которые являются своего рода посредниками между Богом и людьми. Столбы названы именами пяти мусульманских святых, но до ислама они носили имена зороастрийских божеств. *Pōmēru čīd* – хонаи помирй – памирский дом наглядно показывает глубоко всесторонний философский подход наших предков к природе и человеку, как в материальном, так и в духовном плане. Духовное совершенство человека, как непосредственное продолжение его физического развития, считалось в арийской религии более важным и необходимым. Поэтому, за основу всегда берётся духовное начало – свет, разум, к чему должны возвращаться все люди. Бог подарил человеку частицу своей сущности – разум, и тем самым, возвысил его над всеми другими творениями. Такое представление о человеке заимствовали у зороастрийцев, сохранили и развили его ещё дальше исмаилиты. Тогда как все другие религии адептов этой секты писал: «Бог не живёт везде и всюду, потому что много есть нечистых мест, недостойных. Его пребывания, но он может быть определённый угодных ему, где ему было бы особенно приятно человеческие молитвы. Ввиду сего Бог не нуждается в храмах (и мечетях) почему таковых у исмаилитов не имеется, потому что *Pōmēru čīd* является и храмом и мечетью этого народа. Вместе с тем, арийцы считали, что все Вечные Божественные Начала сопутствуя каждому человеку в течении всей его жизни, составляют ее суть. Следует отметить, что у

народов западного Памира под лексемой *дом* – *čīd* понимается не только здание, построенное в качестве жилья, но и ряд архитектурных элементов внутри здания *čīd* имеющие этико-философское и культурное значение. Семантическое поле лексемы *čīd* охватывает такие ключевые понятия интерьера, как *pīnz stan* – пять колонок, над которыми держится покров памирского дома *čōrxūnā* и на потолке традиционного памирского дома, который называется *čōrxūnā*, там и построится отверстие под названием *rūz* – отверстие. Каждому из этих архитектурных частей свойственны религиозные и философские толкования, уходящие своими корнями в глубокую древность. Отношение знаний к действительности носит сложный характер и развивается как в истории человеческой культуры, так и в процессе индивидуального развития личности. Знания могут быть донаучными, житейскими, художественными и научными (эмпирическими и теоретическими). Житейские знания основываются на здравом смысле и обыденном сознании и являются важной ориентировочной основой повседневного поведения человека (Философский энциклопедический словарь 1983:196). По представлению древних арийцев, верховный Бог – Ахура-Мазда составил, в первую очередь, пять вечно живых духовных начал Амешаспентов, каждое из которых отвечает за какую-то определённую часть творения Бога. Эти пять вечных начал нашли свое воплощение в Пяти Вечных светилах – *xīr* – *офтоб»* – *солнце*; *mest* – *мох* – *луна*; *Zuhro* – *Зӯхра* – *Венера*; *mīrcuri* – *Миррих* – *Меркурий*; *yupiter* – *Юпитер* – *Юпитер*. Природа, по представлению древних арийцев состоит из трёх царств Минерального, Растительного и Животного. Венцом всех этих ступеней в творении является Человек.

Все в природе состоит из сочетания четырех элементов – Земли, Воды, Воздуха и Огня, каждому из которых покровительствует соответствующая богиня – хранительница. Все эти в природе вышеупомянутые принципы были заложены древними ариями в основу строительства своего дома, в

поддержку Бога, всевышнего. Именно исходя из этого в *čīd* – дом было воплощено всё, что Бог воплотил во Вселенной, в природе.

Таким образом, *čīd* является своеобразным проявлением и олицетворением божественной сущности Человека, который вместе со строительством дома приступил к созданию других собственных творений, который до него не существовал в Природе. Таким образом Человек осознал творческий характер своего Разума, который есть бастица Всеобщего Разума.

В Центрально-азиатском материке, как в фокусе сошлись величайшие горные системы Азии – Тянь-Шань, Кань-лунь, Каракорум и Гиндукуш. В тоже время Памир лежит у истоков трёх великих азиатских рек – Амударьи, Инда и Торима, давших жизнь древним цивилизациям Средней Азии, Восточного Туркестана и Индии. Такое срединное географическое положение Памира обусловило особую роль этого региона, где соприкоснулись древние цивилизации, тесный узел сплелись все этногенетические процессы индоиранских племен и народностей. Это привело к тому, что с древнейших времен осуществлялись торговые и культурные связи через ущелья, перевалы и плоскогорья Памира. К концу I тыс. до н.э. через него прошли Ваханский и Шугнанский пути, соединившие Восток и Запад. Это были дополнительные трассы Великого Шелкового пути. По ним шли торговые караваны, посольства, миссионеры, ремесленники и путешественники. Географическое положение Памира неоднократно менялось в зависимости от того, как складывалась политическая обстановка в Центрально-азиатском регионе.

Изучение истории языков Памира (за которыми в последнее время закрепилось название «шугнанские языки» вместо употреблявшихся ранее «при – памирские языки», приамурские диалекты), может пролить некоторый свет на историю заселения его регионов *čīd* состоит из следующих основных групп деталей:

A) Три sājā. 1) bārñaxsāj. 2) vōχznax – sāj. 3) čālak – sāj.

Эти три фундаментальных деревянных брусков, которые символизируют три вышеупомянутых царств природы: Минерального, Растительного и Животного. Первый *sānj* как символ минерального царства, устанавливается несколько ниже двух других.

Б) Пять столбов. Эти пять столбов символизировали пять Вечно Амешаспантов (2 вариант Амешаспентов) при Зороастризме – арийской религии, просуществовавшей на Памире до времени Саманидов, (в самом Бадахшане и за более позднее время, в Шугнанах, Рушанах в X в. свидетельствует Носир Хусрав). И так, первая колонна *Surūš // xā-sitan* и называется Мухаммед.

Расположен он в самом центре дома и является главной опорой его, как в прямом, так и в переносном смысле этого слова, ибо на него приходится центр тяжести и основная нагрузка перекрытия в своей сложно архитектурной конструкции памирского дома – *Rōmēgi čīd*. Во-первых, он олицетворяет Суруша – Первого творения Ахура-Мазды и его сына которого в исламе отождествляется с Джебраилом. «*xā-sitan*»; «*xā*» – шах, падишах, а «*sitan*» – колонна, означает большую колонну, или основную колонну дома. Как утверждают идеологии ислама Джебраил передал слово Божье Мухаммеду, который, в свою очередь передал его мусульманам, тем самым стал наиболее приближенным из всех людей к Богу и сделался Главной Опорой Ислама. Поэтому, при исламе этот столб стал называться именем Пророка Мухаммеда.

Этот столб является символом веры, мужской власти, вечности мира и нерушимости дома, около него укладывают в колыбель новорожденного мальчика – будущего хранителя дома и его опоры. Это главнейшая колонна веры – символ вечности мира и нерушимости этого дома.

Вторая колонна – *Mehr // vōχznaxsitan* и называется Али. В арийской религии эта колонна олицетворял Мехра – одного из первых и главных Амешаспантов, который считался жизненным началом. Мехр – это ангел Света и опекун обязательство «это тот который хранит (все) колонны высоко

построенных домов». Али считается второй фигурой в исламе после пророка и воплощает в себя верность и преданность т.е. является тем же, что и Мехр. Поэтому с этой колонной, как при Зороастризме, так и сегодня связан основной обряд этнографического характера – свадьба. Когда жених привозит невесту в свой Дом, их сажают именно у той колонны, которая называется Али чтобы у молодых было бы *Mēxrat-Muhabat* – сильная любовь друг к другу. Затем выбирается молодой парень как бы самый близкий товарищ жениха, которые откроет лицо невесты, это значит снимает большой платок из лица невесты (у которого обязательно должны быть живы оба родители) для совершения обряда (*pīcpatčīd*) он становится ее третьим отцом как бы крестным отцом. На колене невесты сажают маленького мальчика – что символизирует счастье и продолжение человеческого рода. Обычай этот восходит к тому что на небе три божества – *xīr* – солнце, *mest* – луна и *xītərz* – звезда. На земле тоже у каждой девушки после свадьбы должны быть три покровителя – три отца. Второй столб — пророка Али — в доисламские времена носил имя Митры (Мехра) – бога, который отвечал за соглашение между людьми. Он символизирует дружбу, любовь и верность отношений. Как и в древние времена, сейчас на свадьбе невесту и жениха усаживают именно возле этого столба, чтобы в новой семье царили верность и счастье. Третья Колонна – *kicōr sitan* – Ардависвара (Анахита) Фотима – «Колонна Очага». *kicōrsitan*; «*kicōr*» – очаг, печь, «*sitan*» – колонна. (Аламшоев М. 52 ч 2). При Зороастризме эта колонна символизировала Анахиту – Хранительницу Воды и Жизни на земле, хранительницу очага в доме. Она представлялась в виде нарядной красивой девушки, украшенной драгоценностями. В Авесте она описывается как «Красивая, статная, благородная и благочестивая девушка». Поэтому как в древности, при Зороастризме, так и теперь невеста вовремя *Никох // Nikōh* – бракосочетание» сидит только у этой колонны, обряд одевания невесты и день свадьбы происходит тоже возле этой колонны. Ее одевают в красное платье, укрощают бусами, браслетами, кольцами чтобы она выглядела красиво и

прекрасно как сама богиня Анахита как Биби Фотимаи Захро. Столб, расположенный на возвышении, где находится очаг, носит имя Биби Фотимы – дочери пророка Мухаммада и жены пророка Али. Во времена зороастризма он назывался именем Ардвисуры Анахиты – богини воды и плодородия. Этот столб – символ чистоты, хранитель домашнего очага, отвечающий за изобилие. Во время свадьбы возле этого столба одевают и украшают невесту, чтобы она была такой же красивой, как Ардвисура Анахита. Платье невесты должно быть обязательно красного цвета, ибо этот цвет как в Зороастризме, так и в Исламизме, является священным и символизирует Солнце и Огонь. Между Мехром и Анахитой расположен *Kicōr* – (шугн.) / *Arδōn* (руш.) – оташдон – очаг который был изображен на монетах Ахеменидских царей. *kicōr* – (шугн.) // оташдон – очаг является центральным элементом дома. Он вместилище божественного огня, источник света, тепла и благополучия в доме. Четвертая и пятая калона *PōyḡāSitan* – Сипента // Арийти – Хасан и Хусейна. *PōyḡāSitanpōyḡā* – пол, место при входе в дом, *sitan* – колонна, сутун (Аламшоев М. с 416 ч 2). Столб, расположенный на возвышении, где находится очаг, носит имя Биби Фотимы – дочери пророка Мухаммада и жены пророка Али. Во времена зороастризма он назывался именем Ардвисуры Анахиты – богини воды и плодородия. Этот столб — символ чистоты, хранитель домашнего очага, отвечающий за изобилие. Во время свадьбы возле этого столба одевают и украшают невесту, чтобы она была такой же красивой, как Ардвисура Анахита. В арийской религии эта колонна символизировала Спинету Армаи – богиню, хранительницу земли – дочери Ахура-Мазды. Поэтому, этот столб намного длиннее всех остальных, дабы обязательно касался земли. Теперь же Колонна олицетворяет Хасана – старшего сына Али, который не оставил потомства и не был избран Имамом при жизни. Поэтому он «стоит» перед другими святыми в знак покорности и уважения им. Может быть по этой причине с этим колоннам не связаны никакие обряды.

Пятая Колонна *BārñəxSitan – Ozar – Хусайн. BārñəxSitan – Bār – верх, nəx – нары, кат (Аламшоев М. 177 ч2) sitan* колонна. Самое главное творение Ахура-Мазды его сын Озар. Он считается основным продолжателем арийской – зороастрийской религии. Все религиозные обычаи зороастрийцев происходили именно у этой колонны, традиция сохранилась и теперь, при исмаилизме. Колонна эта теперь носит имя Имама Хусайна – младшего сына Алия. Он прямой потомок Дома Пророка. Он также является родоначальником *саидов* Памира, относящихся к роду Саид Мухаммад Исфакхани – Шахи Кошон, что документально подтверждается в их «Насабнаме».

По этим причинам у этой колонны совершается чтение всех за исключения молитвы и религиозных текстов. У этого Колонна // Sitan ежегодно два раза – ранним утром и вечером каждый исмаилит совершает намаз, сидя на ложе поджав под себя ноги, как это делалось ещё при зороастризме. Встать во время намаза категорически запрещается.

Таким образом, если при Зороастризме воспевали вечных Амешаспентов, то при Исмаилизме стали воспевать пять святых особ – Мухаммеда, Али, Фотима, Хасан и Хусейна, но больше всех, конечно, Али. Почти вся поэзия Бадахшанских (Памирских) поэтов посвящена именно этому вопросу. Яркий пример тому используемая нами поэма поэта Шамбезода Нодира. Два последних столба Спента – Армаити Хасан и Озар Хусайн. Теперь это перекладина символизирует руки двух братьев Хасана и Хусейна. *Wis – болор, шохтур* – основная поперечная балка, бревно. Первый *wis* – опирающийся на два первых столба, олицетворяет Мину – Духовный мир и рай в арийской религии и всеобщий разум в исламе. Духовное начало всего сущего. Второй *wis* – поддерживаемый тремя остальными – это Гетирате Реальный Мир или Вселенная в арийской всеобщая душа, Нафси Кулл в Исмаилизме. Над этими прогонами установлены: 1. Тринадцать длинных бревен – *daroz sipoxč*. Шесть из них над очагом и семь других означали стороны природы Восток, Север, Запад, Юг, Верх – Низ. При

Исмаилизме же они стали олицетворением шести пророков кроме Зороастра. Происходившие в истории человечества. Эти четыре стихии следующие: *Xōk-xok* – земля, *Ōb-ob* – вода, *Bōd-bōd* – ветер (воздух) и *Ōtaš* – оташ – огонь. Все эти элементы природы находятся в вечном движении, взаимно проникновении, взаимовлиянии, в результате чего происходит их вечное вращение. Отсюда и произошёл знаменитый *nəxījak*. – символ арийцев – свастика которая была нанесена на узорах, джурабов, тюбетеек, футляров и т.д.

Основным строительным материалом служил *камень* (сланцевым плитняк и речены) в сочетании с сырцовым кирпичом. Кладка велась на глиняном растворе, заполнявшем вертикальные швы. Иногда раствор делали из более светлой глины по сравнению с той, из которой формировался *кирпич*.

Стены в жилых постройках имели не большую ширину и длину составляет (0, 7 – 0, 8 м), толщина оборонительных стен доходила от 40 см. до 60 см. Конструкция их стандартна: основание и края закреплены каменной кладкой ведётся (*yaksangā, dusangā* – одно сторонний и двух сторонний).

Пороги и двери делались из деревянной доски. Полы и стены обычно штукатурили глиной. Архитектура жилых *Pōmēru čīd* построен не просто. Укрепленные поселения и сельские усадьбы имели простые геометрические формы квадрат.

Гончарное производство. А.Н. Борнштам первым определил место керамических комплексов Памира в общем единстве среднеазиатской продукции. В настоящее время раннесредневековая керамика наиболее полно представлена материалами из раскопок сельской усадьбы Патхур – кишлаке в далине Гунда Шугнанского района, культовых сооружений. Керамика в основном лепная, фрагменты гончарной посуды единичны. Полная классификация раннесредневековой керамики Вахана и Шугнана в настоящее время решена частично, в основном по материалам могильников.

В целом выделяется кухонная и столовая посуда. Для первой характерно грубое тесто с примесью песка или шамота; для второй – тесто

без примесей. Как первую, так и вторую группу отличает неравномерность обжига, но наряду с этим значительная часть посуды хорошей выделки. Слюда в большей и меньшей степени присутствует во всех изделиях и является естественной примесью. Лощение посуды – характерная особенность раннесредневековой керамики Вахана и Шугнана. В зависимости от состава глины и режима обжига лощеная поверхность сосуда приобретали светло-жёлтые, розовато-красные, светло и темно-коричневые оттенки. Керамика в основном лепная, фрагменты гончарной посуды: *kuzā* – *куза* – *кувшин*, *kiškūl* – *горшок*, *čīne* – *ниёла* – *пюлька*, *karūška* – *кружка* – *кружка*, *γiħc* – *таз*. При этом объединяющие слова являются частью речи с грамматическим значением предметности, которые выражаются с помощью независимых категорий рода, числа, одушевлённости и неодушевлённости.

Лексические единицы в шугнанском языке в не текста, как правило, многозначны, то есть имеют несколько потенциальных значений, например, *δōrg* – *чуб* – *бревно*, *taxtā* – *тахта* – *доска*, *spōħč* – *балка*. Выявление актуального значения предполагает знание потенциальных значений многозначного слова, оттенков этих значений, сочетаемости его с другими словами, и употребительности в тех или иных ситуациях и типах текстов. Наиболее полную информацию о потенциальных значениях лексических единиц дают четырёхтомные словари шугнанско-русского языка.

Данная лексика в языках шугнано-рушанской группы памирских языков в сознании человека в самых различных его пониманиях функционирует с древних времён. Лексема *čīd* – *хипā* – *хона* – *дом* скорее всего означает квартиру, принадлежащую одной семье; *malā* – составная часть квартиры, то есть отдельные комнаты находящегося внутри дома. К примеру, отгороженность пространства, называемый дом, в широком смысле интуитивно у любого человека вызывает чувства эмоциональной защищённости, покоя, уюта и комфорта.

В шугнанских языках можно наблюдать три родовых наименований жилья, между которым можно провести относительную семантическую

дифференциацию. Различие в значениях слов для обозначения жилья в этих языках характеризуется как языковыми особенностями, так и разнообразием типов построек. Согласно словарю Д. Карамшоева слово *čīd* переводится на русский язык как дом, двор. Здесь же приводятся ряд языковых единиц с корнем дом: *čīd-aki* – *домосед*; *čīd-būn* – *охраняющий дом*; *čīd(d)-ēdu* – *новоселье*; *čīd(d)-or* – *имеющий дом*; *čīd(d)* и т.п. (Карамшоев 1999, С.372-374).

Относительно расширенного определения понятия дом мы находим в работе Л.Р. Додихудоевой, где автор, анализируя слово *čīd* – *дом* и, указывая на его многозначность, приводит данные, что это лексема означает. а) дом с двором, окруженный забором; б) несколько домов под одной крышей, которые внутри его распределены другие полезные комнаты, например: *wužrā*, *ošxūnā*, *zidūn*, *xūvd-jīz* – ледник. Ледник – специально оборудованный погреб, где до сих пор можно найти в развее что в урочищах, заросшие холмики полусгнившими основами торчащими из-под земли. Конструкция ледников позволила всё лето держать в погребе температуру на уровне +5-8 градусов, что было оптимальной температурной – балансом для хранилища скоропортящихся продуктов, особенно молоко и молочных изделий. Ледник – место хранилища молочных продуктов в древней Руси, и другие перегородки на подобии *dalīz* – *перехожая*, *reḫwōz* – *навес*, *dakūn* – *открытая нара*, *qišxūnā* – *гостевая*, *zidūn* – *кладовка*, *ōšxūnā* – *кухня*. Относительно в прошлом столетии образование в шугнанском языке словосложения *rōtmēru čīd* – *памирский дом* служит определением традиционной постройки жилого дома и ярко демонстрирует дифференциальные признаки слов для обозначения понятия дом. Из этого исходит, внутри памирского дома под названием *rōtmēru čīd* распределяется на полезных площадях следующим образом, например: *bār-nəx* – *правая нара*, *vōxz-nəx* – *левая нара*, *kisōr* – *очаг*, *nəxak* – *правая сторона нары* / *nəxak* – *левая сторона нары* / *nəxak-en* (мн. ч) – *нары*.

Традиционный памирский дом обладает характерным для данного региона строением и поэтому содержание этого дома известно со старых времён, наравне с различными понятиями интерьера, включает географические, религиозные, философские, архитектурные, и экологические стороны вопроса.

Для шугнанцев значимость и взаимосвязь всех этих понятий настолько важна, что, упустив одну из них, можно дать формальное не соответствующее с действительностью определение концепта дом. В связи с этой, для дефиниции места и содержания данного концепта в шугнано-рушанской группе памирских языков в языковой картине мира необходимо учитывать всю составляющую информацию исследуемого концепта.

1.3. Словообразовательный анализ производной лексики в сопоставляемых языках

Строительная лексика в таджикском и шугнанском языках на материалах *rōtēri čīd – хонаи помири – памирский дом* является очень значимой для языка любого народа, поэтому особое значение приобретают упорядочение и стандартизация терминологии. Если раньше терминологию относили к периферии языка, то теперь едва ли кто сомневается в ее значимости. Данная лексика насчитывает значительное количество терминологических единиц. Она отражает понятийную систему строительства, одной из важнейших отраслей народного быта всех времён, поэтому представляется актуальным исследовать строительную терминологию не только в ее современном состоянии, но и используя материалы древнеанглийского и древнешугнанского языка.

Строительная терминология представляет собой своеобразную лексическую систему, складывавшуюся на протяжении длительного времени, восходящую к профессиональной лексике строителей ранних периодов развития общества. Отсюда вытекает теоретическая и практическая

необходимость исследовать данную лексическую группу на широком историческом фоне, определить особенности ее формирования и структуру. Многие строительные термины теснейшим образом связаны с лексикой общего употребления. Целостный анализ истории данной терминологии дает возможность определить основные направления ее развития.

Известно, что история развития строительства насчитывает несколько веков. Поэтому и строительная терминология представляет собой своеобразную лексическую систему, складывавшуюся на протяжении длительного времени, восходящую к профессиональной лексике строителей ранних периодов развития общества.

В современной строительной терминологии могут быть обнаружены разнородные по времени вхождения, по источникам формирования и по принципам номинации термины. Отсюда вытекает теоретическая и практическая необходимость исследовать данную лексику на широком историческом фоне, определить особенности её формирования и структуру. Многие строительные термины тесным образом связаны с лексикой общего употребления и активно взаимодействуют с языком массовой коммуникации. Поэтому нужно исследовать данную терминологию в сфере функционирования, что позволяет выявить живые процессы в строительной терминологии на современном этапе. Целостный анализ истории, современного состояния и живых процессов в данной терминологии даёт возможность определить основные тенденции её развития.

Изучение системных отношений в языке должно базироваться на исследовании конкретного языкового материала и определяться языковой реальностью. Не случайно определены языковые системы так, что объективно заложены в данном языковом материале и что проявляются в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала. Например, некоторые лингвисты считают проявлением системности лексики парадигматику (с точки зрения смыслового отношения элементов языка «по вертикали» – вхождения в один и тот же смысловый ряд

или близкие ряды), синтагматику (с точки зрения характера и закономерности линейного расположения в речи, сочетаемости и др.), наличие лексических функций, лексических категорий, определённые закономерности взаимодействия слова с контекстом, классификацию лексики по противопоставлениям слов типа: территориальные – литературные, исконные – заимствованные, активные – пассивные (архаизмы, неологизмы), общеупотребительные – социальные, нейтральные – стилистически окрашенные и т.д. Таким образом помимо морфологических, синтаксических словообразовательных особенностей лексических единиц, учитываются их семантические особенности как представителей определенных частей речи. Зависимость лексического значения слова от грамматических свойств той части речи, к которой оно принадлежит, подтверждается языковыми фактами. Лексические единицы вне текста, как правило, многозначны, то есть имеют несколько потенциальных значений. В тексте под влиянием определённой ситуации общения и в окружении других слов и словосочетаний обычно на первый план выходит одно из этих значений, называемое актуальным. При переводе передаются именно актуальные значения слов и их комбинации. Выявление актуального значения предполагает знание потенциальных значений многозначного слова, оттенков этих значений, сочетаемости его с другими словами и употребительности в тех или иных ситуациях и типах текстов.

Другое дело производные и сложные слова, не вошедшие в двуязычные словари. Обычно такого рода слова именно потому и не фиксируются словарями, что их значения легко выводятся из составляющих их элементов.

Лингвистами внесён серьёзный вклад в исследовании различных видов терминологии. Однако многие вопросы до сих пор являются спорными, а строительной лексике в шугнанском и таджикском языках не было уделено должного внимания вообще. Строительная и гончарная лексики и терминологии в Западном Памире шугнано-рушанской группы языков – один

из языков, которые входят в группу восточно-иранских языков до сих пор не исследовано.

Раньше терминологию относили к периферии языка, однако теперь едва ли кто сомневается в её функциональной значимости, о чём свидетельствует всё возрастающее число работ по очень широкому кругу терминоведческих проблем. Исследованиями в области терминологии и шугнанского и таджикского языках занимались следующие крупные лингвисты: Андреев М.С., Аламшоев М, Виноградов В.В., Джамshedов П., Залеман К.Г, Зарубин И.И. Карамшоев Д., Мамадназаров А, Мамадасламов М.С., Соколова В.С., Реформатский А.А., Эдельман Р.А., Юсуфбеков Ш.П. и др. Интерес к анализу конкретно-отраслевых терминологий не ослабевает и сейчас.

Предметом исследования в данном параграфе является строительная терминология шугнанского и таджикского языков. Данная терминология насчитывает значительное количество терминологических единиц. Она отражает понятийную систему строительства, одной из важнейших отраслей народного хозяйства. Современный этап развития строительства характеризуется ускорением научно-технического прогресса в этой области. В современных условиях возрастает потребность в номинации новых понятий, происходит модификация старых и строительная лексика активно пополняется новыми терминами.

До настоящего времени не имеется ни одной монографической работы, посвященной строительной лексике шугнанского и таджикского языков, этим и объясняется выбор темы диссертационной работы. Нам представляется своевременным и целесообразным целостное исследование строительной лексики с точки зрения её эволюции и современного состояния. Сфера функционирования строительных терминов не привлекала внимания исследователей, однако именно в специальной литературе наиболее ярко проявляется специфика терминов.

Целесообразно представить основные термины словообразования: словообразовательная мотивация, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо, словообразовательный формант и аббревиация.

Словообразовательная мотивация – это отношение между двумя однокоренными словами, значение, одного из которых либо определяется через значение другого, либо тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи. Словообразовательная цепочка – это ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированной. Начальным, исходным звеном цепочки является немотивированное слово. Чем дальше от исходного слова цепочки какое-нибудь входящее в нее мотивированное слово, тем выше ступень его мотивированности. Словообразовательный формант – это наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство из числа тех средств, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих. Словообразовательное гнездо – это совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации. Вершиной (исходным словом) гнезда является немотивированное слово. Гнездо может быть определено и как совокупность словообразовательных цепочек, имеющих одно и то же исходное слово.

Главный метод, применяемый в исследовании – метод лингвистического описания. Анализ терминологии производится в синхронно-диахронном плане. Также используется приём сопоставления последовательных хронологических срезов. Вместе с тем применяемый метод может быть охарактеризован как комплексный, так как при анализе фактического материала происходит взаимодействие формального и семантического подходов. В соответствии с формальным подходом выделяются структурные типы терминов, семантический подход позволяет

определить такие типы образования терминов, как семантическое переосмысление групп общелитературного языка.

Для нашего исследования принципиально важным представляется вопрос о термине. Учеными были неоднократно предприняты попытки изучения терминологии, решения её ключевых вопросов (место терминологии в лексической системе шугнанского и таджикского языков, сущность термина, как языковой единицы, соотношение термина и слова, и т.п.). Однако многие вопросы до сих пор остаются неразрешёнными, ведь в создании термина есть две стороны, две точки зрения: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки, производства.

В лингвистике на протяжении нескольких десятилетий обсуждается проблема термина. Несмотря на различия в трактовке сущности термина, общим для всех исследователей является понимание термина как номинативной единицы, обозначающей научно-техническое понятие.

Нет необходимости приводить все многочисленные определения термина, которые имеются в терминологических исследованиях. Однако следует выделить существенные, с нашей точки зрения, признаки. Главный, базисный признак термина – это его соотнесённость с научно-техническим понятием. Другие признаки термина - наличие у него дефиниции; существование в системе терминов; принадлежность к определённой области знания; стремление к точности и однозначности. Таков традиционный подход к определению термина. Сложная природа термина и терминологии ведёт к тому, что до сего времени лингвисты пытаются более полно изучить научно-технический термин, характер связи между научно-техническим понятием, термином и определением. В процессе работы мы обращались к различным словарям и энциклопедиям для установления принадлежности той или иной лексической единицы к строительной терминологии. Лингвистическое исследование строительной терминологии послужит дальнейшему уточнению места данной лексической группы в системе

русского языка. В этом заключается актуальность нашей работы, представляющей одну из частных проблем обширного и многоаспектного исследования специальной лексики. Корень зед-, как и компоненты, рассмотренные в предыдущих частях, имеет крайне важное значение в жизни народа, развитии материальной культуры и становлении языка. Этот корень имеет своё обширное словообразовательное гнездо, включающее в себя множество дериватов.

Зодчий акад. А.И. Соболевский предполагал, что слово зодчий вошло в русский литературный язык в период второго югославянского влияния, т.е. не ранее конца XIV - начала XV в. Это слово родственно словам *здание, здати, созидати*, и, по мнению А.И. Соболевского, в русском языке оно должен был звучать как *зодчий*, если бы русские книжники не прочитали югославянского *ъ* после *з* как *о*, т.е. если бы югославянское написание этого слова как *зьдчий* не повлияло бы и на его русское произношение. Таким образом, слово зодчий проникло в русский литературный язык чисто книжным путем в период “второго южнославянского влияния”.

Академик А.Х. Востоков в “Церковно-славянском словаре” приводит слово *зьдчий* в значении ‘*мастер, строитель, владетель*’.

Кроме того, Востоков отмечает слова *зьдечий* и *зьдичий* из сочинений Ефрема Сирина по списку XIV в. Востоков предполагает здесь значение ‘горшечник’ (ср. *здарь* ‘гончар, лепящий из глины’). Зидари известны сербскому языку (*зидар*), хорватскому (*zidar, zidarc*), что свидетельствует о глубочайшей древности этой единицы. Слово *зьдчий* исследователями старославянского языка (А. Мейе, Р. Ф. Брандтом) признается образованием, относящимся к более поздней эпохе жизни древнеславянского языка (сложенным по образцу *кравчий, ловчий* и т. п.). Слова с корнем *зед-* и его апофоническими вариантами не фиксируются в “Словаре русских народных говоров”. Педерсен приводил русское *зодчий* в числе примеров изменения *ь* в *ъ* между согласными в старославянском языке.

Академик Ф.Ф. Фортунатов, считая это слово заимствованным из церковнославянского языка с о из ѣ, так объяснял звуковую форму этого слова: “Ст.-слав. *зѣдѣчи* (не встречающееся в старых памятниках) фонетически не должно бы было получить ѣ из ѣ в первом слоге (гласная ѣ имела здесь по положению “большее количество”, при котором ѣ не подвергалось изменению в ѣ даже и перед твердым слогом). *Зодчество*. Субстантив *зодчесто* – дериват *отзодчий* – он имеет в качестве основного значения ‘наука строить здания, архитектура’, однако есть и другие значения, кроме основного. У Кариона Истомина в “Орации при поднесении царевне Софии Алексеевне книги блаженного Августина ”Боговидная любовь” слово зодчество употреблено в переносном, метафорическом смысле: “Но паче елея жаждущего источников воды, жаждешь и ты Господня на таковое прелестнейшего художества зодчество чистых мыслей блаженных разумений и чистых словес”. В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка», в котором обычно указывается, когда впервые то или иное слово фиксируется лексикографическими источниками, для слова *зодчий* в качестве такого первоисточника отмечен “Лексикон трех язычный” Федора Поликарпова (1704), для зодческий - “Словарь Академии Российской” (1792). Все эти сведения являются очень запоздалыми, так как слово *зодчий* зарегистрировано в русских текстах с конца XIV - начала XV веков. Слово *зодчий* в русском литературном языке XVIII в. считалось принадлежностью высокого стиля. Так, Г.Р. Державин посвятил свое стихотворение “Зодчему Тончию”:

Там зодчий зиждется храм молитвы

(На кончину благотворителя);

Здесь тонут зиждущихся плотину

Работников и зодчих тьма.

Но в карамзинской школе оно было признано архаическим славянизмом. А.С. Шишков защищал его в своем “Рассуждении о старом и

новом слоге русского языка”, объединив с такой группой устарелых славянизмов: “Как могут обвешать прекрасные и многозначные слова, таковые например, как: *дебелый, доблесть, присно*, и от них происходящие: *одебелеть, доблий, приснопамятный, приснотекущий* и тому подобные? Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые, как: *любомудрие, умоделие, зодчество, багряница, возделение, велеление?* ”. “Вот беда для них, когда кто в писаниях своих употребляет слова: *брашно, трубящее, Рясна, зодчество, доблесть, прозябать, наитствовать* и тому подобные, которых они сроду не слыхивали, и потому о таком Писатель с гордым презрением говорит, что он Педант, провонял славянщиной и не знает Французского в штиле Элегесту”.

Характерно, что в “Словаре церковно-славянского и русского языка” слово *зодчий* объявляется старинным. Правда, при словах *зодчество* и *зодческий* этой пометы нет.

Слово *зодчество*, по словам Шишкова, так же редко в простых разговорах употреблялось, как слова *угобзиться, нещевать, доблесть, прозябать, светносный* и другие подобные. Оно «токмо тем известно было, которые прилежно в языке своем упражняются». А.С. Шишков свидетельствует, что в разговорном языке конца XVIII - начала XIX в. было в ходу слово архитектор, слово же *зодчий* многим образованным людям казалось странным и непонятным: “Слово *зодчий*, - писал Шишков, - есть настоящее Русское, происходящее от глагола созидать”. В 20-30-е годы XIX века слово *зодчество* входит в широкий литературный оборот. У Аполлона Григорьева в “Дружеской песне” употребляется данный термин:

Отложив земли печали,
 Взлетите к светлой дали,
 Будь вечен наш союз!
 Слава, честь и поклоненье
 В горних зодчему творенья,
 Нас сотворившему для дел...

Также есть и другие примеры употребления данного термина в литературе и переписке. У Венецианова А.Г. в письме Милюковым (19 декабря 1837 г.): “...дворец горит, за век, неврединно простоявший и бывший памятником того духа зодчества”. В “Воспоминаниях” Е.М. Феокистова (1848-1896): “...можно очень верно судить о положении дел и оказаться не совсем искусным зодчим, когда самому приходится воздвигать здание на место признанного негодным“. У Н.И. Пирогова в “Дневнике старого врача”: “Цель и мысль, пойманные, так сказать, в сеть материала, - на полотне в красках живописца, в мрамор зодчего, на бумагу в условные знаки и слова поэта, - живут потом целые века своею жизнью, заставляя и полотно, и мрамор, и бумагу сообщать из рода в род содержимое в них творчество”.

Вышеизложенная информация позволяет нам сделать вывод о том, что рассматриваемая группа слов имеет свою долгую уникальную историю, данное деривационное гнездо начало своё существование ещё в церковнославянском языке, однако стало широко употребляться только в XIX веке.

В языковой картине мира Западного Памира семантическое поле концепта *čīd / xūnā* – дом не охватывает такие определения, как здание для учреждения, династия, жильцы какого-нибудь дома. На наш взгляд определение „хозяева с домочадцами» в сознании этих этнических групп также не является прямым контекстом семантического поля концепта дом, однако данное определение, будучи толкованием понятия *семья* согласно словарю Д. Карамшоева, слова *čīd / xūnā / mallā* переводится на русский язык *дом; двор*. [Д. Карамшоева 2005 -7]

В памирских языках можно наблюдать три родовых наименований жилья *čīd / xūnā / mallā* – дом, между которыми можно наблюдать и провести относительную семантическую дифференциацию. Различие в словах для обозначения жилья в этих языках характеризуется как языковыми особенностями, так и разнообразием типов построек [Некушоева 2008, 74-77]

На данный этап существует огромное количество научных и

публицистических работ, посвященных традиционному памирскому дому под названием *Pōmērāčīd*, анализирующие как архитектурные и исторические аспекты, так и религиозно-философские концепты, исторически вложенные различными символическими элементами в содержание данного древнейшего типа жилого дома *хи́нпәсӣд* – шугнанский дом, который состоит из нескольких помещений, к примеру *dālīz* – прихожая, *wižrā* – кухня, *qišxīna* – комната для гостей, *zidūn* – кладовая для хранения пищевых продуктов, внутри того построено другие помещения под названием *žīvēn*, в котором хранят муки и другие продукты. Данная терминология насчитывает значительно количество терминологических единиц. Она отражает понятийную систему строительства, одной из важнейших отраслей народного хозяйства. Современный этап развития строительства характеризуется ускорением научно-технического прогресса в этой области. В современных условиях возрастает потребность в номинации новых понятий, происходит модификация старых, строительная лексика активно пополняется новыми терминами.

Многие строительные термины тесным образом связаны с лексикой общего употребления и активно взаимодействуют с языком массовой коммуникации. Поэтому нужно исследовать данную терминологию в сфере функционирования, что позволяет выявить живые процессы в строительной терминологии на современном этапе. Целостный анализ истории, современного состояния и живых процессов в данной терминологии даёт возможность определить основные тенденции её развития.

Раньше терминологию относили к периферии языка, однако теперь едва ли кто сомневается в её функциональной значимости, о чём свидетельствует всё возрастающее число работ по очень широкому кругу терминоведческих проблем. Исследованиями в области терминологии шугнанского и таджикского языков занимались следующие лингвисты: Андреев М.С., Аламшоев М., Виноградов В.В., Джамшедов П., Залеман К.Г., Зарубин И.И., Карамшоев Д., Мамадасламов М.С., Соколова В.С.

Реформатский А.А., Эдельман Р.А., Юсуфбеков Д.И. и др. Интерес к анализу конкретно-отраслевых терминологий не ослабевает и сейчас.

Нам представляется своевременным и актуальным целостное исследование строительной лексики с точки зрения её эволюции и современного состояния. Поставленная задача исследовать строительную лексику в процессе её исторического развития потребовала обращения к специальной литературе. Известно, что история развития строительства насчитывает несколько веков. Поэтому и строительная терминология представляет собой своеобразную лексическую систему, складывавшуюся на протяжении длительного времени, восходящую к профессиональной лексике строителей ранних периодов развития общества.

В современной строительной терминологии могут быть обнаружены разнородные по времени вхождения, по источникам формирования и по принципам номинации термины. Отсюда вытекает теоретическая и практическая необходимость исследовать данную лексику на широком историческом фоне, определить особенности её формирования и структуру. Многие строительные термины тесным образом связаны с лексикой общего употребления и активно взаимодействуют с языком массовой коммуникации. Поэтому нужно исследовать данную терминологию в сфере функционирования, что позволяет выявить живые процессы в строительной терминологии на современном этапе. Целостный анализ истории, современного состояния и живых процессов в данной терминологии даёт возможность определить основные тенденции её развития.

Целесообразно представить основные термины словообразования: словообразовательная мотивация, словообразовательная цепочка, словообразовательное гнездо, словообразовательный формант, аббревиация.

Словообразовательная мотивация – это отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо определяется через значение другого, либо тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи.

Словообразовательная цепочка – это ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной мотивированной. Начальным, исходным звеном цепочки является немотивированное слово. Чем дальше от исходного слова цепочки какое-нибудь входящее в нее мотивированное слово, тем выше ступень его мотивированности. Словообразовательный формант – это наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство из числа тех средств, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих. Аббревиация – способ словообразования, объединяющий все типы сложносокращенных и сокращенных образований. Словообразовательное гнездо - это совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации. Вершиной (исходным словом) гнезда является немотивированное слово. Гнездо может быть определено и как совокупность словообразовательных цепочек, имеющих одно и то же исходное слово.

Одной из основных задач, которые призвана решить лексикология, является установление различных видов системных отношений, существующих внутри различных групп лексики, установление тех объективных показателей, которые объединяют слова друг с другом.

Индивидуальная прикрепленность лексем к различным предметам и явлениям внеязыковой действительности, как подчёркивает Д.Н. Шмелева, делает отношения между ними чрезвычайно разнообразными и сложными. Поэтому всякая попытка систематизировать эти отношения, установить определённые типы связей между отдельными значениями многозначных слов не может не быть известным упрощением эти связей. Однако это не значит, что всякого рода систематизация в данной области вообще невозможна или неоправданная (сложность и разновидность изучаемого материала как раз требует его определённой систематизации), но необходимо иметь в виду, что предлагаемые схемы только в известной мере отражают подлинную сущность рассматриваемых связей, а потому почти всегда имеют

условный характер (Шмелёв 1997, 15).

Лингвистическое исследование строительной терминологии послужит дальнейшему уточнению места данной лексической группы в системе русского языка. В этом заключается актуальность нашей работы, представляющей одну из частных проблем обширного и многоаспектного исследования специальной лексики. Лексико-семантические группы слов представляют собою объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям в сопоставляемых языках. Для ясности следует сказать, что под лексическим значением мы понимаем предметное (в широком смысле) содержание слова, соотнесенность слова к объективно существующему миру вещей, процессов, явлений и т. п. В основе лексического значения лежит понятие, которое, однако, не тождественно значению.

Слова отражают связи, которые существуют между предметами и явлениями в самой действительности. Вместе с тем слова являются единицами языка и между ними существуют и собственно языковые связи: они объединяются в определённые лексико-семантические группы, в каждом языке по-своему членив те или иные отрезки действительности (например, в таджикском и шугнанском языке названия возвышенностей, где можно построить дом или что-либо другое).

1.3.1. Производная лексика с корнем шугнанского *mīzdōw* и таджикского *сохтан* (строить)

Значение сложных и производных слов, а тем более их закономерные соответствия в языке должны усваиваться обычным способом: через посредство или с помощью словаря, поскольку реальные соответствия таких слов часто бывает трудно установить, исходя лишь из значений их элементов.

На протяжении последних десятилетий отмечается активный процесс словообразования в сопоставляемых языках. В этом процессе находят непосредственное отражение постоянные изменения в словарном составе языка, обусловленные значительными переменами в жизни нашего общества. Процесс словообразования тесно связан как с лексикой, так и с грамматикой. Связь с лексикой выражается в пополнении словарного состава языка новыми словами, потребность в которых порождена самой жизнью. Связь с грамматикой проявляется в том, что новые слова обычно оформляются по существующим моделям, располагаются по тем грамматическим категориям, которые присущи языку. Двойной контакт словообразования – с лексическим и грамматическим строем – находит свое выражение в многообразии способов образования слов.

Одним из наиболее значимых строительных гнезд является словарное гнездо с корнем *строй*. Это гнездо возглавляется глаголом сложные и производные *строить*. Данный термин охватывает все стороны жизни человека. Словообразовательное гнездо *строить* в таджикском и шугнанском языках представлено следующими единицами: *mizdow* – *сохтан* – строить, строение, *mozij* – *сохтмончй* – строитель, строительство, строевик, строевой и ещё оно означает здание но только в таджикском языке. Малый академический словарь даёт следующие значения глагола строить: *barpochidow* – *барпо кардан* – сооружать, возводить, воздвигать, *taškilchadow* – *ташкил кардан* – создавать, вычерчивать на основании заданных размеров геометрические *namud-shakl* – фигуры, графики, создавать, составлять что-либо, отбирая и организуя определенным образом материал, мысленно намечать, создавать в уме, брать что-л. в качестве основы, главного, существенного момента; основывать, ставить в строй, придавать музыкальному инструменту нужный строй. В толковом словаре В.И. Даля глагол строить подаётся в таких значениях: созидать здание, возводить строение, сооружать, ставить, городить, строить войска, делать воинские построения; ставить в строй, строить музыкальные орудия; (Даль

IV, 543-544). Глагол *строить* – наследие древнерусского языка, в котором строить значило: *sodxtačīdōw*, *mīzdōw*, *δādōw* – строить, воздвигать, *istehsolčīdōw* – истехсол кардан – изготавливать, *qinōatčīd* – каноат кардан – устраивать, *tayorə čīdōw* – тайор кардан – готовить, подготавливать, *qarōrqabul čīd* – қарор қабул кардан – постановлять, управлять, править, *rozisitow* – розӣ шудан – согласовать, настраивать, приводить в благоустройство, *khamchorichidow* – камчорӣ кардан – заботиться, окружать заботами, быть полезным, зло умышлять. Этот глагол также отражён и в памятниках старонемецкой, а также староиранской (шугнанский) письменности со строительной семантикой.

Вышеизложенная информация позволяет нам сделать вывод о том, что термин строить имеет широкое распространение как в географическом плане, так и во временном. Многозначность данного термина и порождённое им обширное деривационное гнездо также позволяют говорить о широком распространении этого слова.

1.3.2. Префиксальные и суффиксальные дериваты от «строить» в шугнанском и таджикском языках

В шугнанском и таджикском языках существуют различные префиксальные дериваты от корня слова, обозначающего *строить*. В таджикском языке, который является одним из диалектов персидского языка, корень *строить* представлен словом *соз* (создать, создавать). *Созмон додан* (созмон+додан.) что означает «организовать, устраивать». Префикс *созмон* может указывать на процесс создания чего-либо. *Бозсозӣ* (боз+созӣ), префикс “боз” означает “вновь, снова”, что в данном контексте указывает на процесс строительства дороги. *Пайсозӣ* (пай+созӣ), строительство дороги, что означает дорога. Суффиксальные дериваты: строит, встраивать, встройка, достраивать, достроенный, застраивать, настройка, надстройка, обстраивать, отстраивать, пристраивать, подстраивать, пристройка, пристраивать,

расстраивать, устраивать, обустраивать, переустраивать. Суффиксальные дериваты от строить *mizdow* в шугнанском языке образуется при помощи суффикса – *ij*. Если к слову строить мы добавим суффикс –*ij* то у нас получится *mozij* что обозначает строитель. К примеру, мы приведем такое предложение. *Di malla mizdow darkor. Akram bashand malla mozij*. В данном предложении оно показывает что это такой человек который занимается строительством. А в таджикском языке если речь идёт о слове *строить* – *сохтан*, то мы можем добавлять суффикс –*чӣ*. Если, к слову, строить добавляется суффикс –*чӣ*, то у нас получится *сохтмончӣ*, что означает строитель, человек, который занимается строительством. Например: *Ин мард сохтмончи хеле машхур аст дар ҷаҳон. Номӣ у Абдулло аст*. А если мы добавим, к слову, строить суффикс –*он*, то у нас получится *сохтмонҳо*, что обозначает здание во множественном числе. *Дар мамлакати мо бисёр сохтмонҳо сохта шуда истодаанд*. Суффикс –*иш*, «созиш», процесс строительства. Другой суффикс –*анда*, *созанда* – строитель.

Из дериватов от *строить* следует назвать субстантив *стройка*, который имеет следующие значения: ‘действие по глаголу строить’, ‘строящееся здание, сооружение, а также территория, где строится что-либо’ (МАС IV, 230). Словарь древнерусского языка И.И. Срезневского не отмечает этого слова. В “Глумачальным слоўніку беларускай мовы” слово *стройка* не зарегистрировано в качестве нормативного (см. V том), однако белорусский народ знает слово *стройка*. Это же слово известно и украинскому народу. Это значит, что у нас есть право отнести исследуемое слово к восточнославянскому лексическому фонду. От слова *стройка* образовано слово *новостройка*, широко используемое на большой территории восточных славян.

Строитель тот, кто строит что-либо, занимается строительством чего-либо. Данное слово относится к полисемантическим: ‘тот, кто строит что-либо’ (строитель зданий, домов, строитель дорог, строитель мостов, строитель кораблей), ‘тот, кто создаёт, организует что-либо; созидатель,

творец' (строитель государства, строитель жизни, строитель общества, строитель судьбы и т.п.). Строитель фиксируется также в памятниках старославянской письменности. Это даёт возможность отнести слово к древнейшему пласту лексики. Сама же модель отглагольных производных с суффиксом -тель принадлежит к древнейшим (см. 19, с. 235). От строитель образовано строительство, которое в древнерусском языке имело значение 'управление', 'структура', 'промысл', 'область', 'исправление должности строителя' (Срезн. III, 554). Данный дериват унаследован русским примерно с теми же значениями: 'возведение, постройка зданий, сооружений', 'территория, где строится что-либо', 'создание, построение, организация чего-либо' (БАС 14, 1060-1061). От субстантива строитель образованы также адъективы – строительный 'относящийся к строительству', 'употребляемый при строительстве', 'занятый, работающий на строительстве', 'связанный с подготовкой кадров-строителей' (БАС 14, 1060), строительский 'относящийся к строителю, принадлежащий ему' (БАС 14, 1060), образованные с помощью суффиксов -н-, -ск-. Разумеется, наиболее употребительным является адъектив строительный, поскольку он является наследием древнерусского строительный 'спасительный.'

Строение – дериват с суффиксом -ение- имеет ряд значений: 'здание, постройка', 'действие по глаголу строить' (строение планов, строение пирамид, строение жизни и т. д.), 'взаимное расположение частей в составе чего-либо, внутреннее устройство, структура чего-либо' (строение атома, организационное строение партии, строение почвы, строение растений, строение тела) (БАС 14, 1058-1059). В диалектах строение имеет значение 'строительный материал' (СРГ Кузбасса, 202) и др. Подобным же образом образован целый ряд дериватов от префиксальных глаголов, а именно: настроение, перестроение, построение, устройство и т.д. В древне шугнанском языке имелось удивительное производное от корня *mizdōw* – строй, устройство, устроени, которое не сохранилось в современном шугнанском языке. Подобный тип субстантивов возможен также от других

префиксальных глаголов: обустройство, переустройство, расстройство, устройство и др.

Аббревиатуры с компонентом *misdōw* – сохтан – строить. Гнездо строить и его единицы продолжают использовать и в настоящее время. В современном мире языка образовано большое количество аббревиатур с компонентом *строй*. Наиболее широко представлены аббревиатуры из сочетаний начальных частей слов (стройбат, жилстрой, партстрой), а также аббревиатуры из сочетания начальной части слова с целым словом (стройматериалы, стройтрест). Глагол *строить* – это глагол, который часто используется в строительстве. Отсюда следует что глагол *строить* чрезвычайно важен в сравнительных языках. Даже если мы добавим несколько суффиксов и префиксов к этому слову то он не потеряет своей сути, и как оказалось что при добавлении суффиксов и префиксов в обоих языках наблюдалось сходства и различия что и было целью нашего исследования.

1.4. Классификация лексики шугнанского *čīd* и таджикского *хона* – дом

Классификация лексики шугнанского «*čīd*» и таджикского «хона» дом можно провести по следующим параметрам: лексика относящиеся к началу строительства: *zamīncharīd čīdow* – это самый первый этап стройки. Чтобы построить дом, в первую очередь нужно купить землю. Если купить землю, то нужно взамен давать деньги или что-то еще, чтобы владелец *zamindor* согласился переписать эту землю на вас. Потом, когда состоится ваш договор и все документы официально подписаны на вас и все проблемы исчерпаны, то можно начать стройку. Но обычно отец, как глава семьи, землю, которая принадлежит ему, делит между своими сыновьями, а младшему сыну останется родительский дом в наследстве.

Bu(n)lod – это слово сложное по структуре, оно образовано из предлога «*bu*» и основы «*lod*», что означает *связывать* и *основа*. В плане

произношения слово *bulod* имеет очень древнее происхождение в таджикском языке и некоторых языках восточного Ирана, в том числе в бадахшанской группе языков. Исследуемое слово в шугнанском языке произносится как *bu(n)lod*, где до этой формы сокращается согласный звук первого слога.

В таджикском языке он употребляется в форме *бунлод*, который также употребляется в произведениях писателей классического и современного периодов. Это слово зафиксировано в интерпретационной словаре таджикского языка и объяснено на конкретных примерах. В интерпретационной культуре таджикского языка слова объясняется таким образом *бунлод*, *бунёд*, *тахкурсий*, *пойдевор* [2008, 246].

Первая часть *бун* объясняется в упомянутом словаре следующим образом: *бун* 1.бех, реша, асос, *бунёд*, *буни мӯ*, *бехи мӯ*. 2. Қисми зерини ҳар чиз, *поён*, *таг*, *буни девор*, *буни гӯш*, *буни дандон ва ғ.* [тот же, 245].

Второй элемент «*лод*» имеет в словаре таджикского языка разные значения и даже имеет омонимичные значения: *лод* *куҳн*. 1. *лой*, *гил*. 2. *девори покса*, *почтовая стена*. 3. *як лой (қабат) аз девори покса*. 2. *Лод*. *матои нозук*, *порчай тунуки нафис*. 3 *лодан* *бот*. 1. *як навъ растани бисёрсола аз оилаи чиллиулҳо, ки пояи навруста ва барги онро ба таом меандозанд ва ҳамчун дар тиб ба кор мебаранд*. 2. *моддаи самғин ин растанӣ, ки дар маросимҳои динӣ дуд мекунанд* [тот же, 724].

В шугнанском языке слово *bulod* не используется в разных случаях и его употребление популярно только в такой форме. По принадлежности к частям речи обе существительные.

В шугнанском языке от слова *bulod* происходит *bulodwedd*, что имеет значение «закладывать фундамент», «фундамент дома». Это слово состоит из трёх самостоятельных компонентов, которые по структуре могут быть включены в трехсоставные сложные слова.

Слово *bulodwedd* прошёл три этапа словообразования и затем вошёл в эту форму. На первом этапе лексема «*bu*» соединялось со словом «*lod*» и

создавалось сложное двухсоставное слово. На втором этапе основа прошедшего времени *wedd* соединяется с *bulod* и из него образуется трёхчастное сложное слово *bulodwedd*. Оказывается, первый и второй компоненты то есть *bu* и *lod* родственны таджикского языка, а третий компонент типичен для шугнанскому языку, что означает *ставить, класть* что в основном используется в конструкции здания.

Слово *kiryār* используется в значение оказания помощи. Корнем этого слова является «*kir*». Данное слово распространено во всех бадахшанских языках и является старой адаптацией персидского таджикского *kār-yāg*. букв, "работа-друг", то есть помощник в работе. *Kiryārchido* – приглашать людей, чтобы они оказали помощь. Это слово состоит из двух корней *kiryār+chido*. Слова «*chido*» – делать, сделать это глагол настоящего времени. А что касается слово *kiryāri* – делать или приготовить что-то для людей, которые помогали, то это уже другое слово. При помощи вспомогательной буквы *i* значение слова меняется.

Слово *žirtayorigaren*. Как известно, из давних исторических периодов, таджикский народ с незапамятных времен занимался различными профессиями и ремеслами. Поэтому наши ремесленники прославились в мире и даже сегодня заняты своими профессиями, особенно в горных районах нашей страны, в том числе в Бадахшане. В результате устарения или разрушения некоторых профессий и ремесел прошлых периодов, родственные им слова и термины также выходят из употребления и забываются. В силу требований времени и прогресса науки и техники, экономики некоторые старые навыки и ремесла исчезли и на их месте были созданы новые специальности и профессии. Однако есть профессии, которые процветают и сегодня, особенно в сфере домостроения и строительства. Поэтому у них есть свои особые слова и термины, один из которых популярен в шугнанском языке и называется *žirtayorigaren*. Это слово тесно связано с жизнью и культурой народа Бадахшана, поэтому такое название приобрело популярность в народе и образовалось. Каждое слово и термин не

появляется на сухом и пустом пространстве без всякого повода. Слово, о котором мы думаем, тоже формируется в каком-то месте или оно имеет основу, и этой основой является камень. Поэтому используется первая часть этого слова, то есть камень, и на шугнанском языке он называется *žir* – камень. Камень используется особенно в горах для строительства домов, а его обработка находится в распоряжении людей. Специалисты в этой области, которые занимаются этой работой и показывают свое мастерство в работе с камнем для строительства дома.

Слово *žirtayorigaren*, как известно по форме, считается сложным составным словом, состоящим из различных компонентов, части которых необходимо идентифицировать и проанализировать. Первая часть этого слова *žir* и означает «камень». Вторая часть *tayor* – готовый, который по выходному значению относится к арабскому языку и имеет различные лексические и омонимичные значения. Слово *tayor* пришло из арабского языка в таджикско-персидский язык в ранние периоды развития языка. Таджикский язык входит в состав других иранских языков, в том числе в памирскую группу языков и «тайор кардан», «тайор шудан» и им подобные, широко используемые в таджикском языке. Другой компонент – суффикс, каждый из которых выполняет особую словообразовательную и грамматическую функцию. Третья часть – словообразовательный суффикс «i», и ее функция – образование абстрактных существительных из конкретных существительных. Четвертая часть – словообразовательный суффикс *gar*, который в таджикском языке имеет различные характеристики и является многозадачным, в таджикском языке через суффикс *-gar* образуются разные профессии. Известный таджикский исследователь Ш. Рустамов сгруппировал их в следующие группы:

- 1) представляют человека по профессии: кожевник, кузнец, чернорабочий, барзгар...;
- 2) показывает человека по его характеру и поступкам: сплетник, бунтарь...;

3) человек показывался в зависимости от его действия, рода деятельности и движения: воспитатель, претендент, спортсмен... [1981, 128].

последняя часть слова *žirtayorigaren*, суффикс является не словообразовательным суффиксом, а суффиксом, образующим множественное число.

Таким образом, *žirtayorigaren* – это слово, обозначающее человека по профессии, то есть того, кто подготавливает камень для строительства дома, или другими словами, занимается обработкой камня. Они называют такую профессию *žirtayorigaren*. Этот вид работы и профессии на шугнанском языке называется *žirtayorigaren*». Это слово прошло несколько стадий словообразования, а затем вошло в такую форму, что и используются сами знатоки языка. На первом уровне слово *tayor* (готовый) связано с *žir* (камень), и используется *žirtayorigar* (камнерез), который принадлежит человеку и показывает его лицо. На втором уровне к этому слову присоединился суффикс «i», обозначающий труд человека, или профессию каменщика. На третьем уровне через общетаджикский словообразовательный суффикс (-gar) оно трансформировалось в число *žirtayorigar*, которое, если перевести его дословно на таджикский язык, выйдет в следующую форму: сангтайоркун (тот, кто подготавливает камень). На четвертом уровне к слову “*žirtayorigar*” добавляется суффикс –“en”, и он образует существительное во множественном числе, которое можно интерпретировать как каменщики (таджикский язык «каменщики»). Слово имеет следующее значение: каменщик – мастер, вырезающий из камня статуи, бляшки и т. д. Было разъяснено, и в качестве свидетеля, подтверждающего это утверждение, нами приведены две строки из стихотворения Хусрави Дехлави:

Қиссаи ишқ худ равад пеши фусурдагон, вале сангтарош кай
харадгавҳари шабфурӯзро [1969, 3.2, 189]

Таким образом, из анализа слова «*žirtayorigar*» в шугнанском языке в сравнении с вариантами в таджикском языке видно, что это слово выражается в речи народа разными значениями. Поэтому можно сказать, что

каждое слово или термин приобретает определенные или различные и отдельные значения в контексте избранной людьми области в зависимости от цели его создателя. Ремесло и профессия домостроителя (строительство дома от фундамента до покрытия и подготовки строительных изделий) считается одной из древнейших местных традиций, она очень важна и стоит на первом месте в жизни людей. Специализированные слова помирских языков, особенно шугнанского языка, доказывают, что наши предки издревле занимались различными промыслами и ремеслами, в том числе заготовкой древесины и специальных камней для стен жилых и нежилых построек, и каждый понятие имеет особое имя - имело свое происхождение и некоторые из этих названий сохранились в этих восточноиранских языках.

Vīgīncīd – это особый и важный момент в строение шугнанского дома. Этот этап совершается после того, как уже построены стены. Для покрытия дома понадобится деревянный строительный материал. В Шугнани материалом для покрытия дома служит дерево тополь. Поэтому жители Шугнана в своих садах сажают большое количество тополей. Для того, чтобы из тополя изготовить бревна, совершается еще один обряд, который называется *Араргарвент*. Бревна следует сначала сушить на солнце а затем можно использовать для покрытия крыши дома.

Затем следует выполнить ещё один обряд, который называется «*сїрдакдед*» – это завершающая часть шугнанского дома. Но очень важно отметить, что в ранние времена люди считали, что *бигиндчид* – это заключительная часть, чтобы после этого люди уже могли жить в этом доме. Но со временем люди начали использовать жесь для покрытия чердака. А чердак защищает от дождя и снега. И сегодня уже делаются разные и красивые чердаки.

Выводы к первой главе

Изучение лексики в сопоставляемых языках имеет важное значение как для теоретической лингвистики, так и для практического применения.

Теоретическое обоснование этого подхода базируется на нескольких ключевых аспектах:

1. Понимание универсальных языковых закономерностей: сравнение лексических систем различных языков позволяет выявить общие принципы и механизмы, лежащие в основе формирования и развития лексики. Это способствует углублению знаний о природе человеческого языка в целом.

2. Практическое применение в переводе и обучении языкам: сопоставительный анализ лексики облегчает процесс перевода и способствует более эффективному обучению родственным языкам.

3. Лексическая типология и лексикография: сравнительное изучение лексики способствует развитию лексической типологии и лексикографии. Это позволяет создавать более точные и полные словари, а также разрабатывать новые подходы к классификации лексических единиц.

Таким образом, теоретическое обоснование изучения лексики в сопоставляемых языках подчеркивает его значимость для углубления научных знаний о языке, улучшения межкультурной коммуникации, совершенствования переводческой практики и методики обучения, а также развития лексикографических ресурсов.

В первой главе, также анализируются вопросы языкового представления пространства и времени и проблемы их сопоставления в шугнанском и таджикском языках. Спектр проблем, связанных с этими категориями, очень широк. Их универсальность для человеческого сознания и бытия обуславливает интерес к ним в разных науках. Что касается исследований в области языкознания, основными вопросами категоризации анализ строительной лексики в пространстве и времени являются установлением их статуса в языке, а также анализ семантической структуры строительной лексики на основе строительства памирского дома *rōmēru cīd* полей пространственных и временных понятий с целью выделения типологических языковых концептов.

В фокус внимания исследователей попадают вопросы формирования представлений о пространстве и времени, выявление семантических особенностей, определения терминов “пространство” и “время”, вопросы о происхождении категорий в сознании, а также о способах их языковой экспликации.

Сопоставительный анализ языковых фактов разноструктурных языков позволяет обнаружить новые элементы, остающиеся за пределами внимания при их отдельном рассмотрении.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ, СВЯЗАННОЙ СО СТРОИТЕЛЬСТВОМ ШУГНАНСКОГО «ЉID» И ТАДЖИКСКОГО «XOHA» – ДОМ

2.1. Семантические особенности и структура слов «Љid – хона» – дом в шугнанском и таджикском языках

Изучение и анализ лексемы «Љid» – дом и связанных с ней понятий считается одним из важнейших вопросов, она не только имеет множество синонимов в корне слова, но и играет очень важную роль в составе искусственных и сложных словах, и это правило в шугнанском языке не является исключением. В этой части диссертации будут проанализированы и исследованы только те слова, которые образуются через лексему «Љid» – дом.

Само слово «Љid» – дом имеет общее значение «дом» и в свою очередь приобрело различные значения. Также посредством этой лексемы созданы пословицы и поговорки и фразеологические выражения.

Слово дом, популярное в шугнанском языке в форме «Љid» имеет следующие значения: дом 1. резиденция во дворе; 2. здание, двор с несколькими помещениями; 3. место, этаж и квартира [ФТЗТ, т.1, с.2, 2008, 447].

Одна из особенностей слова «Љid» в шугнанском языке выражается в том, что такая форма не наблюдается в других группах бадахшанских языках. Поэтому лексема «Љid» – дом широко используется в шугнанском языке и играет особую роль в составе искусственных и сложных слов, большинство из которых обозначают названия мест.

Еще одной особенностью лексемы «Љid» – дом является то, что это слово имеет древнюю историю и сохранило свою самобытность. Однако у слова «Љid» – дом есть синонимы (синонимы) «xūna» – дом которые могут заменить его в некоторых случаях. К этой группе можно отнести таджикское слово хона, которое на шугнанском языке произносится как xūna (хўна).

Здесь возникла только разница между устойчивым гласным звуком «o» и неустойчивым гласным звуком «ū». Полевые наблюдения также показывают, что слово *mal(l)a*(*мал(л)а*) в некоторых случаях может использоваться и вместо «*čid*», но сфера его употребления весьма ограничена.

Таким образом, слово «*čid*»- дом и в зависимости от его структуры разделило его на три группы:

1. Простые: *čid, xūna, mal(l)a, xed, wužra, daliz.*
2. Составные : *čidaki, xūnagi,*
3. Сложные: *čid (d)ēd, čidbūn, dodčid, dokxūna, xūnador, xūnadori, jamot xūna, ošxūna, qišxūna* и другие.

Сложные слова. Понятно, что одним из путей и средств обогащения лексического состава языка является словообразование. Существуют разные способы словообразования, и одним из таких способов являются синтаксические и морфологические средства. Другими словами, два или более слов соединяются вместе и создают новые понятия. Из научных источников или лингвистических исследований, посвященных различным вопросам словообразования, известно, что сложные слова соединяются двумя способами: 1) связаны союзами ; 2) методом подчиненного общения.

Способы соединения слов очень продуктивны и могут быть отнесены к разным частям речи, поэтому мы будем лишь группировать и рассматривать материалы, относящиеся к теме диссертации.

Слово *dodčid*. Это сложное слово образованное из лексем *dod* и *čid*, (*хонаи падарӣ*) причем первая часть означает «отец», а вторая часть – «дом», обе части относятся к части речи, принадлежащей существительному отчий дом, отцовский «дом». Если перевести это слово обратно в таджикский язык, то получится слово типа *хонаи падар*, которое в такой форме в таджикском языке не работает и кажется искусственным. Это слово используется в таджикском языке как дополнительная именная группа отчего дома или отцовского дома, что определяется учебным правилом языка. Поэтому слово *dodčid* (*додчид*) было создано таким образом, исходя из указанного язык , то

есть оно означает место, которое конкретно показывает, кому оно принадлежит, а также оно имеет характеристику владения, то есть, владелец дома – отец.

Первая часть слова *dod* имеет по своему выходному характеру диалектный характер и, на наш взгляд, представляет собой развитую форму лексемы «*dodo*», «*da-da*», характерной для северных диалектов таджикского языка. Он также распространен в ягнобском языке как «*dodo*». Как видите, в шугнанском языке гласный звук «о» второго слога сократился, стал цыпаму дод и стал популярным.

Слово *čid(d)ēdi*. Каждый народ и нация имеют свои местные традиции, большинство из которых связаны с обычаями и традициями народа и отражают прежде всего особенности этнологии, фольклора и языкознания. Одна из таких традиций популярна среди таджиков, особенно горных таджиков, под названием «*бурёкубон*» или «*хонадароён*», и шугнанцы не являются исключением из этого правила. Эта традиция известна среди шугнанцев как *čid(d)ēdi*.

čid(d)ēdi имеет непосредственное отношение к теме исследования и означает «*новоселье*». *čid(d)ēdi* считается обычай, согласно которому, когда семья переезжает в новый дом или входит в новый дом, он перед этим приглашает к себе в гости соседей (односельчан) и родственников и приводит в жертву коров или баран. Также родственники и друзья, в новый дом приносят подарки [Мирзоев, 2012, 96].

Этот образ распространён среди таджикского народа, «*хонадароён*», и его эквивалентом является *бурёкубон*, но эти традиционные слова, несмотря на их общетаджикский характер, не зафиксированы в таджикской языковой интерпретационной культуре.

Слово «*čid(d)ed*» шугноанского языка сложное по структуре, оно состоит из лексем «*čid*» и «*(d)ēd*». С точки зрения принадлежности к частям речи первая часть принадлежит к существительному, а вторая часть – основе прошедшего времени глагола “входить”.

Обращаясь к традиционным словам и терминам, особенно сложным обрядовым и сезонным словам, которые образуются через суффикс *-он*, таджикский ученый С. Мирзоев провел специальное исследование. Этот таджикский исследователь в книге «Местные обычаи и певцы Ягноба» [2012] изучил традиционные слова ягнобских, таджиков и их диалектов, а также их сравнение с памирскими языками, в состав которых вошли 150 традиционных обрядовых и сезонных слов. Способы и образования сложного словообразования считаются одним из важнейших вопросов любого языка, в том числе и шугнанского языка. Таким образом, лексика этого языка совершенствовалась и развивалась с древнейших времен до наших дней, которые были сделаны с использованием цитируемых слов.

Слово «*čidbūn*», вторая часть которого, «*būn*», образована от таджикского глагола «*охранять*». Слово «*būn*» от таджикского слова «*бон*» где гласная (о) таджикского языка изменяется на (ū) в шугнанском языке, который также употребляется в некоторых диалектах таджикского языка в форме «*būn*». Слово *būn* «*бон*» в таджикском языке считается частью некоторых сложных слов, означающих хранителя, смотрителя: *говбон* – *пастух*, *галабон* – *сторож*, *бузгон* – *пастух*, *хонабон* – *домосед*, *богбон* – *садовник* и т.п. Слова «*čidbūn*» шугнанского языка, тоже означает в этом значение «*домоправитель*» – *защитник дома*.

Суффиксы играют важную роль в составе вымышленных слов, тем самым обогащая лексический состав языка. В шугнанском языке, как и в других языках, особенно в иранских, при построении слов широко используются суффиксы, часть из которых имеет отношение к вопросу темы нашего исследования. Одна из основных функций суффиксов — создание нового слова из основы слова, то есть после присоединения суффикса к основе слова меняется его значение. Суффиксы могут быть совместно-задачными и разнозадачными, что определяется при классификации слов. При анализе вымышленных слов прежде всего следует определить, из какой части речи слово употребляется через суффиксы. Потому что суффиксы

могут создавать новые существительные из разных частей, в том числе существительных, или создавать новые слова из прилагательных, чисел, глаголов, наречий.

Слово «*jamotxūna*» также вошло в шугнанский язык через таджикский язык, оба компонента являются общими для таджикского языка, первый компонент джамоат представляет собой развитую форму джамоата, а гласный звук «а» сохраняется в шугнанском, поскольку для носителей шугнанского, произношение двух последовательных гласных, особенно «О, а», является проблемой. Слово *джамоат* входит в состав арабских слов, которых сегодня очень популярно использует в Таджикистане. Это слово в культуре таджикского языка описывается следующими значениями: *чамоат* 1. *гуруҳ (группа), тӯда(куча), гуруҳи мардум.(группа людей)* 2. *гуруҳи талабагони дар як ҷо таҳсилкунанда дар мадрасаҳои собиқ (группа учеников обучающихся вместе в бывших медресе).* 3. *табақа (сорт), тоифа (категория), қабила (племя).* 4. *раиси ҷамоат (председатель сообщества), котиби ҷамоат (секретарь сообщества)* [2007, т.2,580]. Слово «*jamotxūna*» в шугнанском языке имеет значение «*храм*», *место для молитвы.*

Следует отметить, что к этому разделу относятся сложные слова, образованные на основе специфических слов памирских языков, в том числе шугнанских и таджикских языков. В деле образования сложных слов очень продуктивны и сыграли важную роль лексема «*čid*» и элемент дома, имеющий таджикский характер.

Таким же образом группировка разных видов слов входит термин «*xūnador*», который состоит из двух частей, «*xūna+dor*», выражается по их терминологическим особенностям и функциям в хозяйстве. Первая часть «*xūna*» – это существительное, которое указывает на место, вторая часть «*dor*» относится к глаголу настоящего времени. Термин «*xūnador*», прошло два уровня и затем принял такую форму, что принадлежит человеку. В первом уровне к слову «*xūna*» добавился глагол настоящего времени «*dor*» и получилось слово «*xūnador*», который в культуре описывается таким

образом: хонадор. 1. он ки хона дорад (тот у кого есть дом), соҳибхона (владелец дома). 2. он ки кору бори хонаро саришта мекунад (тот кто занимается домашними делами), зан гирифтан (жениться), шавҳар кардан (выйти замуж). 3. марди зандор (женатый мужчина), зани шавҳрдор (замужняя женщина) [КТЯ, 2008, 448]. К этому слову добавляется суффикс *й*, и получается: 1. Оиладоршавӣ (жениться). 2. идора кардани кори рӯзгор (заниматься хозяйством). [тот же]. Исследование показали что в шугнанском языке слова образуются с теми же значениями что и в таджикском языке.

Точно также другие виды домов выражаются по терминологическим особенностям выполняемых их функций в хозяйстве. Следует отметить, что к этому разделу относятся не только сложные слова, а они образованы на основе конкретных слов шугнанского языка, в том числе шугнанского и таджикского в целом. В создание сложного термина с словами *čid* шугнанского языка и *хона* таджикского языка имеют очень большую роль.

Важно, чтобы количество домов было построено в соответствии с их владельцами, т.е. экономическими возможностями. С этой точки зрения в шугнанском языке используется ряд сложных слов, которые обозначают разные типы домов и соответствуют особенностям местного жилища бадахшанского народа. Большинство таких типов сложных слов составлены по особому шаблону, и при изменении одной из частей меняется и ее значение. Обычно в сложных словах этого типа может встречаться переменная часть: «*voxjic*» (алафхона), луг, «*saxjic*» (мурғхона), курятник, «*žovjic*» (говхона), коровник, «*žizjic*» (хезумхона) дровник, «*xuvdjic*» (ширхона) молочный домик. В свою очередь слова, обозначающие гостиную, можно объединить в следующие группы:

1. Слова, относящиеся к внутреннему интерьеру дома.
2. Слова, выражающие внешний вид дома.
3. Слова, относящиеся к дверям и окнам и их частям.

Можно сказать, что местные традиции, и обычаи жителей Бадахшана, в том числе Шугнана, являются продолжением культуры наших предков, народов восточного Ирана, согдийцев, хорезмийцев, вахшких и других. С этой точки зрения комплексный анализ и исследование традиций таджиков Бадахшана, особенно слов и терминов ремесел, домостроения, типов и форм домов и родственных им слов, имеют научное значение и имеют большое значение для изучения истории иранских языков.

«*xüvdjic*» (хувджиц). Слово это сложное, оно состоит из двух самостоятельных частей «*xüvd*» и «*jic*» (джиц), означающих «*склад, специальный дом для хранения молока на летних пастбищах*», что было определено составителями словаря “Шугнано-таджикско-русско-английский словарь” и объяснено тем же смыслом [Аламшоев, 2020, 270-271].

Первая часть слова «*xüvd*» означает «молоко» и, по-видимому, принадлежит шугнанским языкам. Исследуемое слово “*xišift*” » в ягнобском языке с некоторыми различиями в произношении [Мирзозода, 2008, 400].

Слово «*xüvd*» шугнанского и «*xišift*» «Ягноби» имеет очень древнее происхождение, его корень тесно связан с древне- и среднеперсидскими языками, особенно согдийским языком, и с некоторыми звуковыми (фонетическими) различиями он сохранился в восточных языках Ирана. Например, это слово использовалось в Авестийском языке как «*xšvipta*» в значении «молоко». Например, в ягнобском языке сегодня существуют две формы: *xišift* ба *xšift* и значение молока, что соответствует образу согдийско-монавских текстов, а между согдийско-буддийскими только разница в гласном звуке *i* (и), то есть на ягнобском языке оно сократилось и стало *xišift*.

Слово «*шир*» в виде старой конструкции в шугнанских языках и некоторых диалектах персидского языка Ирана и языка пушту, являющегося одним из восточных языков современного Ирана, сохранило свою самобытность с фонетическими различиями. Например, в шугнанском и рушанском языках *хувд*, *сарикуну шерд*, *наумы шауда*, что означает молоко, а

в настоящее время употребляется *хиувд* – «*сладкий*». Подробнее см. [Гариб, 1995, 746, 10668; Андреев, Пещерева, 1957, 361].

Таким образом, слово «*xüvd*» в шугнанском языке рассматривается как продуктивная лексема, посредством которой создано множество различных слов, некоторые из которых имеют непосредственное отношение к теме нашей диссертации, и ярким примером этого является «*xüvdjic*».

Мы максимально обсудили лексическую сущность каждого слова, их стилистические особенности, происхождение (этимологию), произношение, сферу употребления, их сравнение с другими памирскими и восточно-иранскими языками, что имеет большое значение для исследования древнеиранских языков.

Вторая часть «*jic*», по выходному значению относится к памирской группе языков и фактически является топонимом, означающим место. Значение слова «*jic*» – *дом*, небольшое место, жилище, которое в некоторых случаях употребляется также с суффиксом малой формообразующей и общетаджикским окончанием “-ак” – *джисак*.

Подобные слова, на примере «*Xüvdjic*», объясненных выше, выражаемой традиции и обычай бадахшанских народов, в том числе шугнанского народа. Такие слова имеют традиционную природу, они унаследованы этим народом с очень древних времен и тесно связаны с его обычаями и традициями. Поэтому для диагностики восточноиранских традиций в этом регионе тихоокеанских языков считается очень важным изучить и всесторонне изучить все традиции, народные обычаи, особенно жилищные и домостроительные традиции и связанные с ними термины. Дом, домостроение и связанные с ними термины считаются одним из главных и важных вопросов народа, и на их основе создано множество слов с их традиционными характеристиками.

Термины «*сід*» и «*хона*» представляют собой интересную и традиционную часть в языковой лексики шугнанского, имеющую преимущественно этнолингвистические, фольклористические

(этнографические) особенности, поэтому их изучение и анализ имеют высокую научную ценность. В частности, особый интерес представляют его сложные слова, поскольку они составлены по разным образцам традиционного словообразования, каждую нелегко определить и интерпретировать. Н. Тихонов высказал свое мнение в области словообразования и деления слов на компоненты и создания соответствующих слов от их корней: «Словообразование – один из массовых парадигм курса русского языка. Все производные слова, составляющие подавляющую часть русской лексики, относятся к изучению словообразования. Словообразование является одним из основных источников пополнения словаря, хотя словарный запас русского языка (как и словарный запас любого другого языка) пополняется только за счет образования новых слов на основе уже существующих» [1978, III].

Или, в связи с тем же вопросом, учёный выразил свое мнение следующим образом, имеющим особое научное значение: «Хорошее знание правил словообразования, умение разделять слово на его компоненты, определять роль и значение частей слова помогает избежать многих ошибок, связанных с употреблением слова, способствует повышению грамотности и культуры речи» [там же 30, IV].

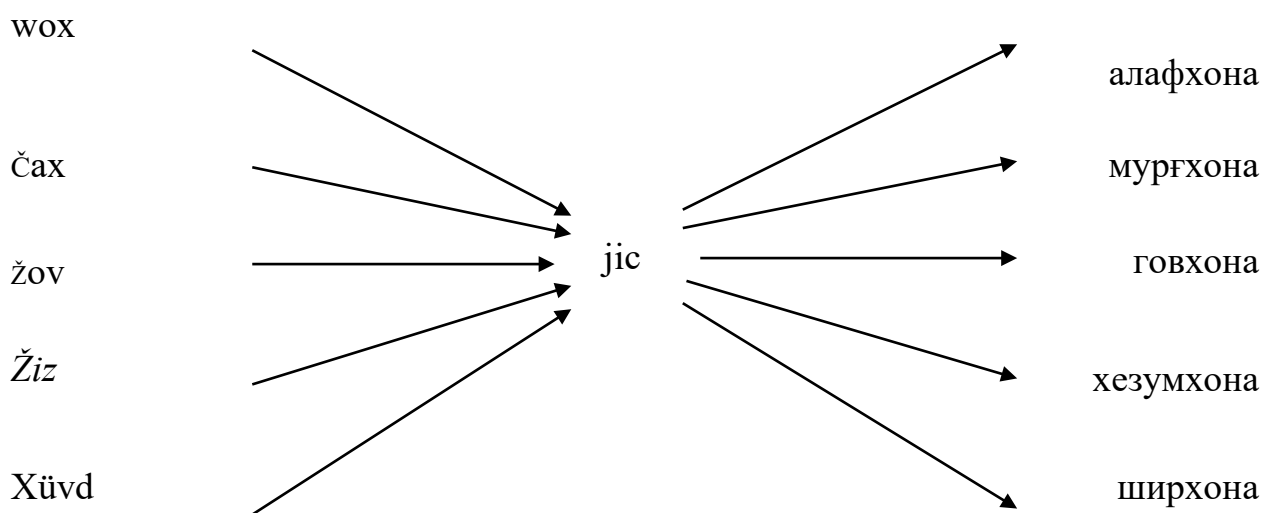
Шугнанский язык, как и другие языки сегодняшнего восточно-иранского таджикского алфавита, включая группу памирских языков и ягнобский язык, является продуктом длительных и различных исторических периодов, теряющих свое былое влияние. Их лексический состав обогатился таджикскими, русскими и европейскими словами, исконные слова языка исчезают, а некоторые из них можно сказать забытыми.

В результате многолетних экономических, политических и культурных связей таджикской нации с другими народами многие слова и термины вошли в таджикский язык, что является негативным событием для этого языка.

В итоге, всякое изменение или развитие социальной структуры, общественных отношений, научно-технической и других сфер человеческой деятельности влияет на язык и его лексический состав. Подобные изменения весьма значительны в период независимости.

Однако из некоторых особых слов и сегодня создаются слова, принадлежащие только шугнанскому языку и некоторым памирским языкам.

Со второй частью исследуемого нами слова *xüvdjic* (*хувджиц*), *jic* (*джитс*) в шугнанском языке составлено множество сложных слов, связанных с темой исследования. Сложные слова, употребляемые *jic*, можно представить на схеме следующим образом:

Слово *woxjic*. Это слово – не дом, а место, где хранится сено для кормов животных а в таджикском языке оно означает – «каҳдон» или «коҳдон». Слово *woxjic* имеет сложное строение и состоит из двух частей: «*wox*» и «*jic*» (*джитс*). Первый элемент «*wox*» переводится как «*трава*». Известно, что само слово «*wox*» происходит из арабского языка и представляет собой общее название однолетних или многолетних недревесных растений; свежие и сухие растения считаются кормом для животных [ФТЗТ, 3.1, 2008, 53]. Вообще слово «*woxjic*» употребляется в шугнанском языке и означает нежилое здание, то есть сеновал, ставшее образцом для словообразования другими словами.

Лексика является одним из основных средств и методов обогащения лексического состава любого языка, и шугнанский язык не является исключением из этого правила. Таким образом, словарный запас языка пополняется новыми словами и терминами. Большинство новых слов появляется в результате развития языка, возникновения социально-экономических изменений, науки и культуры, политики и тому подобное. Словарный запас и словарные слова должны соответствовать учебному (грамматическому) строю языка. Поэтому способы и средства словообразования играют важную роль в совершенствовании лексического состава языка в любой момент, которое происходит по внутренним законам и правилам каждого языка. Чтобы укрепить свои мысли, можно проанализировать некоторые сложные слова, относящиеся к теме.

Например, слово «*с̣ах̣јис*» было составлено из слова «*с̣ах*» и слова «*јис*» джич. «*с̣ах*» – курица, а после присоединения «*јис*» образовалось сложное слово «*с̣ах̣јис*», создавшее новое значение от названия птицы, имеющей понятие места, то есть “курятника”. Другими словами, «*јис*» создал из одушевленного существительного неодушевленное существительное, которое является нежилым жилищем, и объясняется в словаре таджикского языка и имеет два значения: 1. курятник, курятник 2. Птицеводство. птицефабрика [2008, 3.1, 842].

В шугнанском языке оно означает только куриный *катак*, то есть размер его небольшой, а в некоторых восточноиранских языках, в том числе в ягнобском языке, он употребляется в форме *мур̣жкатак* (*мур̣жкатак*), что соответствует типу шугнанского языка.

Мур̣жкатак языка Ягнаб – сложное слово, которое состоит из двух компонентов: *мур̣* + *катак*. Первый раздел является общим в таджикском языке и не требует пояснений. Вторая часть, то есть *катак*, объясняет значение слова «дом», а третья часть – суффикс *-ак*, что означает маленький и ласковый. В целом, *мур̣жкатак* можно интерпретировать пословно или тахтулафзи «*мураханача*» (*мур̣г+дом+ча*), который используется в

таджикском языке в виде дополнительного словосочетания «*курятник*». Слово «*ĉaxjic*» в шугнанском языке употребляется также в форме, *ĉax+jic+ak* что на 100% соответствует словообразованию:

Ĉax+jic+ak – шугнанский

Murg+kat+ak – ягнобский

Мург+хона+ча – таджикский

Слово *žovjic*. По той же лексической схеме название места образовано от *jic* одушевленного существительного, которое также относится к нежилым постройкам. В шугнанском языке корова используется как «*žov*» и считается одним из домашних животных. Лексема «*jic*» соединяется со словом «*žov*», и образуется сложное слово «*žovjic*», которое вместе означает «коровник» и в таджикском языке его еще называют «*говхона*», и то и другое в форме сложного слова и употребляется как дополнительная именная группа, а в шугнанском языке употребляется только как сложное существительное, что делается согласно требованиям грамматического закона этого языка.

В таджикском языке слово *огил* употребляется также в простой форме и означает «коровник, конюшня, амбар» [1969, 3.1, 546].

Следует отметить, что сегодня конюшни строят не в поле, а возле домов (в деревнях). Также, как видно, данные типы слов приобрели особое и специфическое (конкретное) значение, что мы можем видеть на примере шугнанского и таджикского языков. Например, когда мы говорим *žovjic*, оно имеет конкретное значение, то есть место, где содержатся только коровы, а не другие животные, такие как козы, овцы, телята, ослы и лошади. Название места, где присматривают за домашними животными после их прибытия, также указывает на их возраст. Когда мы говорим коровник, можно определить, к какому виду домашних животных они относятся, ведь их видовое название четко указано в первой части слова. Поэтому можно сказать, что формирование или обогащение словарного запаса любого языка, в том числе и шугнанского языка, зависит от регулярного расширения

существующего словарного запаса языка за счет добавления новых слов, причем многие слова создаются посредством основы (корня) одного слова.

Слово *žizjic* относится к категории сложных слов. Большинство сложных слов (сложных существительных), придаточная часть которых выражает название предмета и указывает на его местонахождение и хранение. «*žizjic* состоит из двух самостоятельных слов с самостоятельными лексическими значениями, первая часть и вторая часть подчинены. Первая часть *žiz* – это название предмета и означает «*дрова*», что объясняется в словаре таджикского языка как *ҳезум, сӯзишворӣ аз чӯб*

Одамиро одамият лозим аст,
Удро гар бӯ набошад, ҳезум аст (*Руми*)

Ҳезуми тар дуд барорад, на нур. (*пословица*)

Ҳезуми тар фурӯхтан – “фиреб додан” [Ф 3Т, т.2, 1969,743]

Из этих примеров видно, что слово *дрова*, распространенное в шунанском языке как *žiz* играло важную роль в жизни человека, и это свидетельство, пословица и фразеологическое выражение свидетельствуют о его значении в жизни людей.

Оно связано со словом *jic* от названия очень важного объекта образовало название *žizjic* места, что в совокупности означает сарай для хранения дров, но составители словаря таджикского языка не зафиксировали слово *дровяной сарай* как лексический элемент.

Известный таджикский учёный Ш. Рустамов в разделе сложных существительных, образованных лексемой *дом*, перечислил среди других слов «*деревянный дом*» [1981, с.151]. Происхождение первой части слова «*дрова*» составитель «Персидского словаря» объяснил как принадлежность к пехлевийскому языку следующим образом: *дрова [ҳезум]* сухая древесина, которой разжигают огонь [Mahshid Moshiri, 1990, 1179].

Границы этой группы крайне неопределенные, поскольку предметы и явления быта обычно относятся к различным, нередко специальным, видам

производства и идеологических надстроек.

2.2. Фразеологизмы в лексике, связанные с шугнанским «*čid*» и таджикским «хона» – дом

Arangxu čidand – фразеология которая обозначает чувствовать себя как дома. Это фразеология используется в шугнанском языке в то время, когда кто-то приходит в гости и чтобы не смущаться мы используем эту фразу. Этим мы хотим сказать, что не надо не о чём беспокоиться, и не волноваться. Или же когда друзья или близкие нам люди приходят к нам домой и чувствуют себя как у себя дома, или же им очень комфортно, мы можем использовать эту фразу. Например: *waden arangxu čidand* (они как у себя дома). Что касается этой фразы в таджикском языке данная фразеология имеет такое же значение связанное с домом – *ранги хонаи худ*.

Čid dedge – эта фраза в шугнанском языке используется в то время когда построишь новый дом и впервые приступаешь порог этого дома. В это время друзья и родные приходят поздравлять и дарят подарки. Этот день у нас с древних времён отмечается как радостный праздник. Например: *arotared nur čid dedge* (там сегодня новоселье). В таджикском языке тоже “хонадароён” очень популярная фраза. Именно с таким же значением и используется.

Čid diveyet – очень известная фраза среди шугнанского населения. Это фраза показывает, как гостеприимные и добрые и с открытой душой живут люди в наших краях. Это не означает что наши двери не заперты, а это означает что мы с любовью ждём гостей. У нас, когда люди приходят в гости они не предупреждают об этом, не сообщают о своём приходе. Как и в шугнанском языке, так и в таджикском языке эта фраза часто используется, особенно когда человеку очень рады и ему говорят «двери нашего дома всегда для вас открыты».

Ĉidbûn – это такой человек, который остаётся дома и охраняет. И само слово состоит из *ĉid* то есть дом, а *bûn* это охранять. *Uzum nur ĉidbûn*. Этим мы выражаем, что дома сегодня только я. В таджикском языке «хонабон» с прямым значением как и в шугнанском.

Dod ĉid – это тоже очень популярная фраза среди нашего народа. Мы очень часто используем эту фразу даже можно сказать в своём ежедневном разговоре. **Dod ĉid** – это родительский дом, место где родился и вырос, место где окружает тепло и уют. Место, где можно капризничать. Как у нас говорится *tu nozta dod ĉidandzen*. Это фраза в таджикском языке используется для обозначения родного дома, куда всегда можно вернуться.

Tarbiyat az xûna – воспитание начинается с дома всегда данная фразеология и соответствует этим словам. Воспитание в семье представляет собой уникальное сочетание навыков, ценностей и нежности, формирующих личность под влиянием любящего окружения, где учат жизненным принципам и поддерживают в стремлении к саморазвитию. Эта фраза часто используется в обществе. Используется оно и в отрицательной форме и в положительной. Если человек хорошо воспитан, то говорят *тарбият аз хонаяф башанд*. Или же наоборот если человек не воспитан, то говорится *Тарбият аз хонаяф верон*. Тут мы добавили слова, при помощи которых можно определить, что в каком значении мы этого имели ввиду. Если используется слово *башанд* с хорошим значением, а если слово *верон*, то с негативным значением.

Soib xûna – это так называемый человек, который главный в доме. Он несёт ответственность за дом. Дом принадлежит этому человеку. Эта фраза более популярна в таджикском языке. И пришла она в шугнанский язык с таджикского языка.

xin vido xûnara – данная фразеология часто используется среди шугнанского народа. Значение сочетается с женитьбой. Очень часто когда сыновья ещё не женились и у них дома пожилая мама, тогда их заставляют

жениться. Когда особенно брак составляется не по их желанию, то они часто используют эту фразу.

Xūnadori ċidow – фраза, которая имеет противоположное значение фразе *soħibi xīna*. Это такой человек, который приходя в чужой дом ведёт себя как дома. Вести себя так, как будто ты дома. Чувствовать себя как дома в своем поведении. Проявлять вежливость и комфорт, словно находишься дома. Проявлять непринужденность и уют в своем общении, словно окружен своими стенами. Или же вести себя естественно и раскрепощенно, точно находишься в знакомой обстановке.

Xonai obod – *хороший дом* используется для описания счастливого, благополучного дома.

Xonai xarob (разрушенный дом) – дом, находящийся в плохом состоянии, символ упадка.

Xonai xob (спальня) буквально «дом сна», место для отдыха и восстановления сил.

Xonavayron – человек, который приносит беспорядок или разрушает семейный очаг.

В заключении можно подытожить, что фразеологизмы, связанные с домом, не только отражают культурные особенности общества, но и являются своеобразным зеркалом наших повседневных забот и радостей. Эти выражения украшают наш язык, делая его богаче и красочнее, а также позволяют лучше понимать значение дома как символа уюта, тепла и семейного благополучия. В использовании фразеологизмов мы находим нечто общее и знакомое, что объединяет нас в теплой атмосфере домашнего языка. Такие фразеологизмы, «как у себя дома» и «чувствуй себя как дома» становятся неотъемлемой частью нашей речи, утверждая наше стремление к комфорту и беззаботности. Они словно камни-укрепления, удерживающие ценности семьи и уюта. Используя эти выражения, мы не только общаемся, но и передаем частичку своего опыта, в котором дом становится не только физическим местом, но и душевным убежищем. Таким образом,

фразеологизмы о доме обогащают наш язык и позволяют нам лучше понимать и ценить то, что мы называем домом. В заключении стоит подчеркнуть, что фразеологизмы, связанные с домом несут в себе не только лингвистическую, но и культурную ценность. Они отражают особенности взглядов общества на дом и семейные ценности, а также подчеркивают наше стремление к уюту и безопасности. Эти выражения не просто слова, а невидимые нити, связывающие нас с нашим прошлым, нашими близкими и создающие уникальный образ жизни. В использовании фразеологизмов мы сохраняем и передаем традиции, делая наш язык богаче и наш дом не просто местом, а частью нашей идентичности.

2.3. Лексико-семантическая группа слов, выражающих внутренне убранство в сопоставляемых языках

Семантическая группа внутреннего убранства дома включает термины, описывающие атмосферу, стиль оформления архитектурных элементов, помещения, мебель, декор и аспекты дизайна, создавая богатый лексический набор для обсуждения обстановки внутри жилого пространства. Эта лексическая группа также охватывает термины, связанные с распределением пространства, хранением вещей, освещением и бытовой техникой. Она отражает как функциональные, так и эстетические аспекты оформления домашнего интерьера. В эту семантическую группу входят также термины, описывающие материалы отделки, текстиль, элементы декора и технологии дома. Все эти слова образуют разнообразный лексический набор для обсуждения аспектов уюта, стиля и функциональности внутреннего пространства дома.

Rūzdaxt. Это слово связано с верхней частью окна. *Rūzdaxt* имеет сложное строение, первая часть – «*rūz*», а значение – день из таджикского языка превратилось в звонкий звук и кончик языка (д), гласный звук "а". второй слог переместился из конца слова и принял форму «*daxt*». Хотя они

родственны таджикскому языку, но различаются по значению. Если перевести слово «*rūzdaxt*» на таджикский язык буквально, то получится «Рузтахт», который не может выражать ничего или конкретного значения. Таким образом, это слово можно включить в раздел специальных слов лексики шугнанского языка. Эти типы слов также составляют особый словарь этого языка, потому что они либо возникли естественным образом в самом языке, либо были взяты из какого-то источника древних языков иранских языков. Таким образом, сегодняшний шугнанский язык формировался и развивался на протяжении долгих исторических лет.

Pidind – это самая важная часть дома, потому что вход в дом начинается с порога. Его происхождение происходит от общеизвестного древнеиранского корня «*pa-da*» в значении «фундамент, основа», а формы его в иранском языке следующие: *суғди pδynd [paδind] pati-ania* что означает «дверной проход, порог» [Gharib, 1995, 6838]. Это слово на хорезмийском языке означает «дом». В новом персидском языке, особенно в языке классической литературы, существовало три его формы и употребляется при фонетических различиях, к которым относятся: «*palandi*», «*pulindin*», «*palind*» [Лившиц, 1957, 31-43].

Асадий Туси в «Луғати форс» ввел слово «*palandin*» в группу старых или устаревших слов и объяснил его следующим образом: *palandin* — дверь, а в нашем языке — четыре лесоруба [1319,363]. На основе этой информации и ее использования в восточноиранских языках и диалектах можно сделать вывод, что форма «*palandin*» связана с регионами Хорасан и Моваруннахр. В современном персидском языке на основе формы «*palind*» образовался новый суффикс –«*in*», который используется все чаще.

Слово «*pidind*» можно встретить в составе словосочетания «*rodpidind*», которое используется для обозначения двери со всеми его частями. Также в составе фраз, шуг. «*rodpidind zextow*», со значением "надоедать частыми посещениями". Например, *tu rodpidind zoхс* "ты надоел мне (своими частыми посещениями)". С порогом у памирцев связано много примет и поверий,

которые восходят к древним представлениям о нахождении под порогом покровителя жилища. Существует поверье, что на пороге нельзя стоять, так как это может принести беду в дом или будут клеветать, злословить на человека, сидящего на пороге *pidind-ti ma-nifi, tumat kinen* – не сиди на пороге, не то оклеветают тебя. Через порог нельзя – здороваться и разговаривать, обязательно нужно войти внутрь или выйти из дома для продолжения беседы. Другая очень знаменитая фраза *či pidindi dakčido* и всегда используется когда впервые приступаешь порог дома и должен что-то подарить хозяевам или же ставить деньги на пороге этого дома. Даже у нас есть такой обычай, когда невеста впервые приходит в дом мужа, то у порога она будет стоять и те кто сопровождают они скажут, сначала дайте *čipidindiza* тем она и зайдёт в ваш дом. Ведь она впервые приступила порог этого дома.

Слово *bučkiyij*. Это сложное слово, состоящее из трёх компонентов: буч+кий+ич, которые относятся к разным частям речи. Первая часть «*buč*», что означает «*козел*». Как представляется, разница между этими формами заключается лишь в различии в звучании, заключающемся в замене согласного звука «ч» (ч) на согласную «з». В языке ягнаби вуз обычно меняет согласное западно-иранских языков на согласный звук «в» (в) некоторых восточных современных иранских языках.

Вторая часть «*kiy*» – это глагол действия и означает «*резать*». Третий элемент – словообразовательный суффикс “*ij*”, образующий новое слово от «*buč*» и «*kiy*».

На наш взгляд, «*bučkiyij*» прошел два этапа словообразования и вошёл в эту форму. В первом триместре к существительному «*buč*» – коза, был добавлен глагол «*kiy*» – *убивать*, и образовалось сложное слово «*bučkiy*», означающее козлюбийца (то есть тот, кто убивает козла, козлойщик) и указывает на профессию *буцкий*. Был добавлен словообразовательный суффикс «*ij*» и от него образовалось новое слово. При присоединении этого суффикса и слова «*bučkiy*», прежнее значение исчезло и приобрело то значение, которое является одним из средства украшения дома.

Оно считается одним из способов покрытия стен памирских домов. Внутри дома два столба, они соединены. На них кладут голову животных, особенно голову оленя (горного козла), которого называют «*bučkiyij*».

Čālak – это когда заходишь в дом, а там справа в углу внизу построено окошко и специальное помещение, что и называется «*čālak*». Его можно считать ступенькой от пола до *kisor*. В этом месте люди растили маленьких телят, овец или коз, чтобы они не погибли зимой, или их не растоптали большие животные. *Čālak* – это слово возводится к таджикским с начальным *cah* – колодец, яма, исходное, видимо, перс, (с тюрк, уменьш. суф.) *cah-laq*, которое буквально переводится как "ямка", "небольшое углубление". *Čālak* состоит из трех частей, для обозначения которых используются разные номинативные единицы: *darunčālak* – внутренний, *tirčālak* – верхний и *pusarden* – это рушанский очаг.

Sitan – столб, что является более важным для традиционного памирского дома. Слова *sitan* – это таджикское слово *sutun*. В словаре таджикского языка слово *sutun* переводится как: столб, колонна. *Sitan* фундамент на котором строится дом, крыльцо, резиденция типа чайного домика и мечети. Основная функция колонны выдерживать вес крыши дома. Колонна преимущественно украшена резьбой. Согласно верованиям памирцев, эти пять столбов раньше персонифицировали пять зороастрийских божеств – Суруша (божества или ангела послушания и дисциплины, мужской силы, символа вечной жизни и счастья), Мехра (божества любви), Анахиты (божества плодородия и покровительницы женщин), Замйада (божества земли) и Озара (божества огня). Однако в понятии современных жителей Западного Памира трансформировалось значение этих столбов и их наличие внутри традиционно-памирского дома является символом пяти столпов шиитской ветви религии ислама: пророка Мухаммада (с), имама Али (а), дочери пророка и жены имама Али – Фотимы (а), и их сыновей Хасана (а) и Хусейна (а). Главным из этих пяти столбов является *χāsitan* – главный столб. Слово *χāsitan* сложено из двух знаменательных частей: «*χa*» – царь, князь,

правитель а «*sitan*» – *столб*. Соколова в своем словаре описывает *xāsitan* таким образом: 1. главный столб в жилище; *awalta xāsitan barjoykixt* (сначала он устанавливает главный столб. 2. перен, опора, надежда ; *tund tu virod xāsitan* (твой брат – твоя опора) [2008 ч.1. 701].

Wūs. В лексическом составе шугнанского языка имеются некоторые слова и конструкции, которые развились и вошли в более простую форму. В таджикском языке и его диалектах, а также в некоторых восточно-иранских языках, в том числе в ягнобском языке, используется слово «васса/васа». Из этого следует, что в шугнанском языке гласный звук «а» первого слога заменился на гласный звук «и» (у), а гласный звук «а» второго слога был удален. После такой фонетической эволюции слово *васса/васа* в шугнанском языке вошло в форму *wūs* (вус) и стало общеупотребительным, что имеет следующее значение: *wūs* – «васса/васа» – балки разного размера (по ширине) короткие или длинные, которые размещаются между балками (деревянными) потолка дома, располагаются в определенном порядке и системе.

По выходному значению *васса* имеет таджикскую структуру, она произошла от ягнобского языка и слова *васса*, а в шугнанский язык вошла в форме *wūs*. Из источников, особенно словарь таджикского языка, можно заметить, что в таджикском языке, помимо значения строительных материалов, глагол *считать* создал еще и фразеологическое выражение. Например, на счет *васса* в словаре таджикского языка поясняется как фразеологическое словосочетание, имеющее два значения: а) молчать; б) бездельничать, не делать чего-либо [2008, 3.1, 269], *васса*, то есть *wūs* в южных диалектах. Таджикский язык использовался во многих смыслах и составители культуры этих стилей поясняли это слово на примерах [КТТЯ, 2017, 110].

Слово ***wūs*** – *васса* не зафиксировано в «Культуре таджикского языка» [1969], но составитель «Фарханги Доро» это слово наглядно поясняет на примерах: *васса* 1. Короткие палки, нарезанные одинакового размера,

которые кладут между балками для покрытия крыши: Из-за дыма и пара крыша дома свернулась и не была видно ничего. [Доро, 2012, 99].

Kisor – место для разведения огня, очаг, является центральным элементом памирского дома, без которого строительство дома не имеет смысла. Внутри бадахшанского дома, в том числе и у шугнанцев, была построена печь для выпечки, которая на шугнанском языке называется *kisor*. Слово *Kisor* – возвышение, со встроенным в него очагом, это место, где раньше на очаге готовили еду и пекли хлеб, а зимой грелись на возвышении около очага. Место это считалась женской частью. А теперь очаг – это чисто символическая часть интерьера, которой не пользуются, чтобы стены комнаты не покрылись сажей. Таким образом, новые иранские языки, например шугнанские языки и их группы, считаются древними языками, прошедшими долгий и извилистый путь и претерпевшими множество изменений и разработок. Поэтому некоторые исходные и основные слова этих языков, которые сегодня являются нелинейными и алфавитными языками, со временем исчезли, а на их месте появились другие слова. Однако можно сказать, что он является одним из важных источников формирования таджикского национального языка, и некоторые лингвистические вопросы, особенно географические названия нашей страны, играют важную роль в его интерпретации и кодификации.

Kasāk. Есть несколько слов, относящихся к дверной секции и ее частям, которые тоже полезно учитывать. Некоторые из них использовались в качестве исходных слов языка, а другие были процитированы из таджикского языка с голосовыми различиями. Например, *kasāk* – один из этих слов, характерное для шугнанского языка и выражающее побочный смысл. Слово «*kasāk*», то есть «пахлударй», употребляется в диалекте таджиков.

Древняя, средняя и новая языковая лексика и матрук восточно- и западно-иранской группы является одним из важных слов, связанных с домом и жилищным строительством, является *dive*. Оно имеет богатую

историю: он имеет давнюю историю, его источником являются не только древние персидские языки, но он восходит к древнему индийско-санскритскому языку. Слово *dive* распространено в шугнанском языке в двух формах: *dive* и *divu*, а также распространено в других памирских языках с некоторыми фонетическими различиями. Например, рушанский *divo*, рошорвский *duvor*, сарикульский *diver*, хуфский *divo*, ваханский *dar*, язгуламский *devir*. Также рассматриваемое слово используется как *devur* в ванджском таджикском диалекте, который включен в географическое положение и состав ВМКБ. В восточноиранских языках новой северо-восточной группы, к которым относятся осетинский и ягнобский языки, в этих языках также употребляется слово *dar* с голосовыми различиями и формами *davar* в осетинском и *divar* в ягнобском. К диалектам этого языка относится употребление *davar* и *divar* в ягнобском языке, т.е. в двух фонетических различиях.

Таким образом, как мы уже упоминали ранее, источник исследуемого нами слова, употребляющегося в шугнанском языке «*dive*» восходит к очень древним временам. В Авесте было распространено в его санскритской форме, т.е. *divar*, что, конечно, свидетельствует о родстве этой группы языков. В древнем персидском языке это было немного более сложное слово. В этом языке оно произносится в форме *duvar*, которая в более поздних временах или среднеперсидских языках упростилась, от чего укорачивается гласный звук «и» (y) от первого слога и согласный звук «в» (v) со второго слога и последний гласный звук «а» объединяется и получается как «дар». Поэтому на среднеперсидском и среднетурфском персидском языке он известен как «дар», а на языке портов он известен по разнице голосов в форме *dar*. Как оказывается, есть разница в звучании согласного «д» и согласного «б» (b) в начале слова. В согдийском и хорезмском языках, относящихся к группе восточных языков среднеперсидского периода, слово *dar* в согдийском языке и форма *dbr* и хорезмский образовались в формы *dbr*. Это слово имеет не только индийский, но и европейские и славянские корни.

Например, в русском языке оно употребляется в виде двери: входная дверь; запасная дверь [2017, Т. 1, 394]. Поэтому можно сказать, что первыми источниками, которые считаются основой таджикского литературного языка, являются древние и среднеперсидские языки, современные иранские языки, его диалекты, в том числе померанские языки. Поскольку лексика считается одной из важнейших отраслей языкознания, поэтому изучение и исследование этой отрасли языка, особенно древних языков и языков современного восточно-иранского алфавита, большая часть которых встречаются в Таджикистане, например, памирский и ягнобский языки, имеют особое историческое значение и в шугнанском языке и не являются исключением. Важность изучения лексического состава языка, в том числе и шугнанского языка, особенно его специализированной лексики, выражается прежде всего в том, что с помощью этого метода исследования мы можем определить смысл, выражаемый словом.

Каждый язык, конечно, совершенствуется в процессе формирования и эволюции своих исторических периодов, либо в результате пребывания между мощными и влиятельными языками его словарный запас постепенно уменьшается и может исчезнуть, или это маловероятно. Памирские языки, в том числе шугнанский язык, сегодня находятся в такой же ситуации, и этот процесс зависит от взаимоотношений групп, говорящих на разных языках. Слово *dar*, которого мы проанализировали, является продуктом многолетней истории разных периодов нашего языка, а в таджикском языке и в памирских языках с некоторыми различиями оно стало гласным звуком. Поэтому его можно показать в таблице, которая будет интересна исследователям в области истории языка, поскольку различие в звучании (фонетике) этого основного иранского слова имеется в различных вымерших и современных иранских языках и некоторых европейских языках определяются уникальным образом.

Языки (забонҳо)	Форма слова(шакли калима)	Значение (маъно)
авестой	dvar	дар
форсии бостон	duvara	дар
форсии миёна	dar	дар
форсии миёнаи турфонӣ	dar	дар
портӣ	bar	дар
суғдӣ	bdr	дар
хоразмӣ	bdr	дар
вахӣ	bar	дар
осетинӣ	dwar	дар
рушонӣ	divo	дар
рошорвӣ	duvor	дар
сарикулӣ	diver	дар
точикӣ	dar	дар
форсӣ	dar	дар
хуфӣ	divo	дар
шугнонӣ	dive	дар
яғнобӣ	Davar,divar	дар
русӣ	дверь	дар

Отсюда видно, что анализируемое слово заимствовано из среднеперсидского и среднетюрфского языков в новые языки запада Ирана, персидский и таджикский, причем диалекты без изменений. Слова «дар» в языке порт (один из среднеперсидских языков) согласный звук «д» в начале

изменился на звук «б» и вошел в форму бара, то есть не изменился в этом языке и сегодня форма бара распространена. Форма древних индийско-санскритского и авестийского языков соответствует осетинскому языку, который является одним из северо-восточных языков современных иранских языков: *двар* по-осетински и *двар* на санскрите Произношение слова «дар» в новой форме используется в рушанском и хуфском языках.

Форма этого слова, используемая в других иранских языках, очень похожа, но при некоторых различиях в звучании первого и второго слогов они несколько различаются. Например, в Сарыгули – водолаз, в Язгуломи – *давар/дивар*, древнеперсидский *дар* и тому подобное. Таким образом, из исследования некоторых слов, имеющих одно и общее значение, определяется, что иранские языки в целом включают в себя семейство языков древнего, среднего и нового периодов, причем все они без единого сомнения, вышли из общего арийского языка, а затем разделились на отдельные ветви. Иранские языки, в свою очередь, генетически родственны индийским и европейским языкам, и в целом эти языки входят в большую семью индоевропейских языков. Поэтому с помощью метода этимологического сравнения и нахождения или расшифровки древнеперсидских фонетических знаков в авестийском, древнехинди-санскрите, европейских и славянских языках, а также способа написания цитируемых слов древнеперсидских языков в работах других языков по инициативе востоковедов определены главным образом характеристики, фонетическая и грамматическая стороны этого языка, которые мы можем видеть при изучении слова *дар*. Например, при анализе этого слова выяснилось, что изменились некоторые гласные и согласные звуки.

nēxāk – корень слова *nēx*, а *ak* – суффикс, то есть являются вымышленным по структуре словом. Так как в памирских языках есть род, и по этому *nēx* относится к мужскому роду, а после присоединения суффикса – «*ak*», то есть *nēxāk*, род изменился на женский род. Слово *nēx* в шугнанской культуре означает *нора, ложе* и *nēxāk*: 1. Нора, ложе; 2. Объясняется

небольшая нара в памирских домах, которая считалась местом для женщин [Аламшоев, 2020, т. 2, 177-178].

Чтобы ясно и точно объяснить этот вопрос, следует сказать, что когда вы входите в памирский дом, перед вами три норы: одна с правой стороны, вторая с левой.

Первая часть слова *nēx* очевидно, принадлежит шугнанскому языку, а словообразовательный суффикс «ак», являющийся второй частью этого слова, принадлежит таджикскому языку.

По данному вопросу следует сказать, что слово *nēxāk*, имеет еще одно значение. Дополнительным его значением является *тахмон*, который в народной речи также известен в форме *тахмон*. На таджикском языке это означает «деревянная полка или стеллаж перед домом, где в определенном порядке друг на друга кладут подушки или одеяла».

Большие норы также имеют в шугнанском особые названия, широко известные как *barnex* и *vouznex*. Слово *barnex* – составное существительное, а доска на правой стороне дома названа так потому, что состоит из двух частей «*bar*» и «*nex*». Бар, первый элемент таджикского языка, имеет множество омонимических значений, здесь слово брус означает ширину, ширину (длину), оно показывает ширину.

Второе слово, распространенное в шугнанском языке называется *vouznex*, первая часть которого *vouz* означает длину. Эта часть принадлежит шугнанскому языку с точки зрения вывода, который можно интерпретировать как длинную.

Слово *toq* также относится к разделу домостроительных и жилищно-строительных слов, что означает «окно» и пояснено составителями словаря таджикского языка следующим образом: окно – это дверь в стене дома для поступления воздуха и света; стеклянная рама, вставленная в эту дверь [2008, т. 2,344].

Слово *toq* в таджикском языке и его диалектах употребляется не в значении окна, а в других значениях и имеет разные значения, такие как: ток

1. арочная крыша с куполом, крыша в форме неба. 2. веранда, балкон, 3. угол, полочка, угол брови, изгиб брови, 4. высота, высота; Небо – ирония неба [ФТЗТ, 2008, 349; ФЗТ, 1969, 374-375]. *toq* в диалекте таджикского языка также имеет несколько значений, в том числе токча; полка, верх двери 2. окно, дверь (Бдх) [2017, 613].

Как представляется, в таджикском языке сфера употребления слова нечет очень широка, а также в нем есть слова-омонимы, о которых мы упустили возможность упомянуть, поскольку они далеки от рамок нашей темы.

В шугнанском языке диапазон употребления слова «*toq*» более ограничен, и оно используется только для выражения значения окна. По нашему мнению, это слово принадлежит таджикскому языку, и оно цитировалось непосредственно из таджикского языка, либо через южные диалекты таджикского языка, либо через таджикский диалект Бадахшана, и изменило свое значение. Иногда он наклоняется к окну, вытирает мокрое зеркало рукавом черной рубашки и выглядывает. [Доро, 2012, 441] пример из С. Улугзода «Навобод».

Следует отметить, что в истории любого языка идет длительный процесс становления и эволюции. В частности, в шугнанском языке также претерпевают эволюционные изменения. С этой точки зрения некоторая лексика шугнанского языка меняет свою форму и значение в своей лексической системе. При анализе специальных слов на примере других разделов языкознания учитывается, с одной стороны, сочетание истории значения, с другой стороны, трансформация звучания слова. Исчезновение языков, их слияние, взаимодействие отдельных языков, миграция населения из одного места в другое и другие факторы сыграли решающую роль в формировании и эволюции структуры лексики и терминов.

Слово *riž* имеет древнюю историю и используется в таджикском литературном языке как окно. В «словаре таджикского языка» составители

указали на две его формы: 1.окно/окно, и объяснили это при многих свидетелях.

Огонь из соседского дома подобен дервишу.

То, что проходит через его окно, - это дым сердца

2. дыра, трещина, дверь

По нашему мнению, слово *ruz* на шугнанском языке происходит от дня и означает «свет», освещающий дом через окно.

В других памирских языках это слово употребляется с развитыми фонетическими (фонетическими) формами. Также распространены некоторые фонетические различия в ягнбском и осетинском языках. Известные российские учёные М.С. Андреев и Е.М. Пешерева, посвятившие много лет изучению памирского и ягнобского языков, в словарном разделе своей книги «Ягнобские тексты» объяснили рассматриваемое слово в ягнобском языке по сравнению с некоторыми восточноиранскими языками как следует: крыша или во тени (ср. Согд. *рвцын*, *м.рузан*, язг. *район*, *орош.руз*, вах. *Рицн сангл. вурсун миндж парачируджен рукон* осетинский – железный [1957, 315].

Из различных форм этого слова известно, что форма оформления *руза* соответствует форме шугнанского языка.

На согдийском языке оно означает «день», что часто встречается в названиях дней месяца. Из этого следует, что в результате дальнейшего развития иранских языков согдийское слово *рос* под влиянием таджикского языка вошло в шугнанский язык в форму *руз*, то есть звук согдийского "с". согласная в шугнани была заменена на шугнанскую согласную «з». В согдийских текстах было распространено слово *рвен/розен*, означающее окно [Гариб, 1995, 8557]. Согдийская форма *розна* сохранилась в той же форме и значении и в современном южном языке, который также известен как новосогдийский.

Ѓорхӯна, как следует из формы этого слова, на самом деле является общетаджикским словом, а по структуре представляет собой сложное

существительное, состоящее из двух самостоятельных частей, каждая из которых имеет лексическое значение. По принадлежности к частям речи оно принадлежит числу и существительному. К первому элементу, обозначающему число *четыре*, добавляется лексема *дом*, из числа образуется название места. По нашему мнению, сложное слово *ĉorxūna*, которое употребляется в таджикском языке как «*чорхона*», происходит из шугнанского языка через бадахшанское произношение таджиков, окончания гласных «о» на «у» (у) и лишь к некоторым слова или в качестве первого элемента и/или второго компонента: четыре дома, доки, общественные дома, гостевые дома и тому подобное. Слово *ĉorxūna* не имеет значения в таджикском языке, а в шугнанском языке оно выражает иное понятие, связанное с традициями и обычаями этого народа, то есть имеет особые этнолингвистические и фольклористические особенности и связано с их ремесленной культурой. На таджикском языке *чорхона* означает дом, состоящий из четырех домов. Однако на шугнанском языке четырехкомнатная – это не жилой дом, а потолок памирского дома, разделенный на четыре особые части и каждая часть имеет свое название. Эти имена связаны с четырьмя важными и основными элементами природы: водой, воздухом, огнем, ветром. Слово «*четырёхкомнатный*» в культуре южных диалектов таджикского языка записано как «*четырёхкомнатный*» и объясняется следующим образом: часть вокруг окна в потолке, состоящая из четырёх четырёхугольных комнат [2017, 755]. Таким образом, видно, что рассматриваемое слово употребляется в памирском языке, в том числе в шугнанском диалекте бадахшанских таджиков, которые имеют два типа голосовых различий и употребляются в виде четырехтонального голоса. Слово «*четыре*» не зафиксировано в таджикской и шугнанской культуре на русском и английском языках. Ведь таджикский язык издавна использовался как средство общения между народами Бадахшана, как с этой стороны реки, так и с другой. Из-за этого в шугнанский язык вошли многие слова, такие как *ĉorxūna* – в центре потолка в шугнанском доме выстраивается

четырёхступенчатый центральный свод *čorxūna*, который означает четыре стихии: землю, воду, ветер и огонь. Часто потолок полностью делается деревянный и поэтому у дома хорошая вентиляция. *čorxūna* завершающий элемент памирского дома. Считается, что через это отверстие проходит в дом естественный природный и божественный луч света. Чорхона состоит из 5 слоёв, которые располагаются снизу вверх. 1 слой – это основа, появление вечности. 2 слой – образ самой земли. 3 слой – это появление всего живого на планете. 4 слой – это создание высшего творения Господа, человека. 5 слой – это окошка через который проходит природный свет в дом, что означает тот Божий свет, который сотворил всё вышесказанное. Кроме этого, этих вышеуказанных балок на потолке устанавливаются ещё две группа балок по 18 и 17 штук. Первая группа балок в количестве 18 устанавливаются над длинным топчаном, а остальные 17 над входом в помещение, что означает 17 серий молитв, подтверждающих признание и веру в творца.

Pigal – или же *sarpigal* также *darvazin* обозначает *край крыши* (конец балки традиционно-памирского дома). Мы считаем, что составными компонентами данной лексики являются предлог "на", "над" и знаменательная часть *gal* – шуг. *kal*, сар. *kol* – голова (например, в составе слова *safedgal* – белая голова). В синонимичной паре *sarpigal* первой частью является значимый компонент *sar* – голова. Слово *pigal* можно встретить в составе словосочетания шуг. *pigalbun* – тот, кто присматривает за домом, синонимом данного понятия является лексика шуг. *cidbun*, второй элемент к перс.-тадж. *bon / boni cardan* – сторожить.

Toq – окна в доме выполняют несколько важных функций. Они предоставляют естественное освещение, обеспечивают вентиляцию, позволяют взаимодействовать с внешней средой, а также играют роль в теплоизоляции. Кроме того, окна могут служить декоративным элементом, внося стиль и характер в интерьер и экстерьер дома.

Burjen – стены в доме служат нескольким целям. Они создают приватное пространство, обеспечивают структурную поддержку здания,

защищают от погодных условий и обеспечивают теплоизоляцию. Также стены могут выполнить декоративную функцию, придавая интерьеру определенный стиль. Стены также играют роль звукоизоляции, обеспечивая конфиденциальность и предотвращая проникновение шума извне. Кроме того, они создают эффективно использовать пространство внутри дома, разделяя его на функциональные зоны.

Poyga – ведет в узкий, не длинный проход или коридор к входу в главное помещение (*čid*), который обозначается лексикой шуг. *dupreča*. То есть в традиционном памирском доме этим словом обозначается пространство от входной двери до начала центральной части (*poyga*). На наш взгляд, в шугнанском языке это слово является контаминацией бартангско-рошорвской единицы. Однако не исключен и тот факт, что по структурному происхождению слово *dupreča* состоит из двух знаменательных частей: заимствованного числительного из тадж. *du* – два и *pec* – *pecidan*, *pec zadan* – извиваться и суф. «а».

Pales – человек и одежда, дом и ковры, очень знаменитая пословица среди народа. Поэтому очень важно чтобы в доме были ковры. Так как норы – бетонные и нужно их чем-то покрыть. Ковры придают комфорт, теплоту и красоту вашему дому, особенно на холодных поверхностях. Часто люди, особенно женщины сами делали ковры своими руками. Для этого они использовали шерсть разных видов животных. И даже во многих местах вместо ковров использовали кожу животных, которые были и очень красивыми и теплыми.

Birej – это тоже очень важная часть памирского дома. Люди используют постель для комфорта и отдыха во время сна. Ещё оно придаёт очень хороший вид памирскому дому. Собирают его в углу дома и покрывают каким-нибудь покрывалом. Самое драгоценное считалось *namad*. *Namad* сами вручную делают женщины кишлака. По традиции, когда невеста приходит в дом, она приносит с собой матрасы, одеяло, подушки и другие принадлежности. Но самым важным является *namad*. Ценится оно потому что

была очень теплой, потому что делается из бараниной шерсти. Постели в каждом доме много. Дополнительные материалы для матрасов включают в себя волокна, вату и гипоаллергенные материалы. Но обычно оно изготовлено из хлопка, которая используется для пошива постельного белья. Этот материал обладает приятной на ощупь текстурой и обеспечивает комфорт во время сна.

А также эти элементы тоже помогают создать гармоничное и функциональное пространство внутри дома. Мебель – стулья, столы, диваны, шкафы и другие предметы для обустройства пространства. Занавески, шторы, подушки, одеяла, ковры создают уют и добавляют цветовые акценты. Декор – картины, фоторамки, вазы и другие элементы, придающие индивидуальность интерьеру. Освещение – люстры, настольные лампы, бра, создающие атмосферу и обеспечивающие функциональное освещение. Подножия и ковры добавляют комфорт, могут разграничивать зоны в помещении. Стены и пол – обои, краска, панели, напольное покрытие формируют основу интерьера. Техника и электроника – телевизоры, аудиосистемы, компьютеры и др. Кухонные аксессуары – посуда, кухонные принадлежности, столовая посуда и т.д.

2.4. Лексико-семантическая группа слов, выражающая внешнее убранство в сопоставляемых языках

В семантической группе, связанной с двором и усадьбой, *хавли* могут встречаться термины, такие как «дворец», «территория», «сад» и другие места, описывающие различные элементы и объекты вокруг дома и на территории усадьбы. В этой семантической группе также используются слова, раскрывающие разнообразные аспекты обустройства и оформления пространства вокруг дома и усадебном дворе. Также в этой лексической группе могут встречаться термины, такие как «веранда», «подвал», «теплица», «беседка», расширяя спектр описания элементов двора и

усадыбы. В семантической группе, связанной с двором и усадьбой, также употребляются слова, описывающие приусадебные постройки и сооружения, такие как «сарай», «амбар», «карниз», что придает контекст об организации пространства и его функциональности. Также в семантической группе двора и усадьбы встречаются термины, описывающие элементы ландшафтного дизайна, что расширяет картину усадебного пространства.

После окончания строительства памирского дома есть ещё очень важные вещи и места, которыми окружается дом.

Pexoz – для обозначения открытой веранды перед традиционно-памирским домом в шугнано-рушанской группе языков используется номинативная единица *pexoz*. Возможно деривация данной лексики основывается на наличии в семантике особенностей внешнего признака, то есть исходные значения составляющих ее компонентов указывают на открытость спереди веранды *pex* в таджикском *перед* и *woz* от таджикского слово *boz* – открытый. В шуг.-руш. группе языков также слово *pexoz* или *pexwoz* во втором значении в контексте с глаголами шуг. *zextow* – брать и *pexwoz zextow* используется в значении "встречать".

Qušxūna – это слово вошло в шугнанский язык через таджикский язык. *Qušxūna* состоит из двух частей и каждый имеет определённое лексическое значение. Первый раздел *quš*, который по значению относится к тюркским языкам. Слово *quš* зафиксировано в культуре таджикского языка и объясняется следующим образом: кӯш – временное проживание, лагерь: Норбуттахон баъд аз фароғати таом ба кӯши худ рафт ва оромид. “Шоҳномаи Фарғона” [1969.ч. 2 708].

Следует отметить, что в современном таджикском языке *quš* понимается как лагерь (палатка, место где живут пастухи). Слово *qušxūna* не зафиксирована в таджикском языке. Отсюда видно, что слово не было распространено в тот период и в более поздний период формирования таджикского языка оно оформилась и вошло в восточные иранские языки нашей страны, в том числе в шугнанском. Первая часть *quš* – в культуре

таджикского и русского языка объяснена более полно и подробно, чем в культуре таджикского языка: қўш 1. двойной, парный, находящийся вместе. 2. Пара волов, составляющих одну упряжку при пахоте. [2006, 321-322]. И наоборот в культуре таджикского языка и в словаре таджикского и русского языков сложное слово *қиҳхӯна* записано как основная единица словаря и точно объяснено в двух значениях, первое значение связано с понятием *қиҳхӯна* – шугнанского языка: *қўшхона* 1. Временная жилая постройка, вспомогательная пристройка к основному дому для временного в основном, летнего проживания, временка; 2. помещение для приезжих, постоянный двор [тот же, ст.322]. Следует отметить, что в некоторых диалектах таджикского языка, особенно в зерафшанском, айнинском, масчинском и ягнабском диалектах, он имеет особое значение и связан с традициями этих регионов. Во время свадьбы гости из соседних деревень распределяются по семьям в одной деревни определённым образом, который называется *қўшхона*. Например: Гости, которые приехали из Душанбе побудут в доме у Олима. В диалекте Бухарских таджиков *қўш* – обозначает резиденция постыря, о самом слове *қўшхона* переводится как гостевая [Бердиев 1989, 263]. В этом смысле составители культуры таджикского языка объясняют рассматриваемое слово таким образом: 1. временное проживание, лагерь. 2. жильё для гостей, жильё для гостей во время свадьбы, приезжающих из других регионов [2008 ч.1. 701].

Darvoza – люди после окончания стройки дома ограждали территорию дома, и вставляли ворота. Ворота – это первый этап и самый начинающийся этап дома. Люди делали эти ворота из стали или же он был деревянным. Особого замка там и не было, а если бы и закрыли то каким-то маленьким металлом. Ворота помогают поддерживать уровень приватности, предотвращая случайные входы на территорию дома. Ворота предоставляют возможность контролировать доступ на территорию, например, разрешать въезд только определенным лицам.

Boy – это территория, которая находится вокруг дома. Жители шугнана очень любили заниматься садом. Сад может служить природным укрытием для различных видов растений и животных, способствуя биоразнообразию. Поэтому, люди старались выращивать как можно больше полезных фруктов. Кроме фруктов в садах выращиваются разные виды деревьев, которые потом пригодились для стройки домов. Ещё люди считали, что ухаживание за садом может быть приятным семейным или общественным мероприятием, укрепляющим взаимоотношения и создающим общее увлечение. А ещё сад считается прекрасным украшением для любого дома. Цветы, деревья и другие растения создают приятную эстетику и уют вокруг дома. В целом, сад представляет собой прекрасный способ связи с природой, поддержания здоровья и создания приятной обстановки вокруг дома.

Daraxt – деревья играют важную роль в поддержании экологического баланса. Они поставляют кислород, погашают углекислый газ и предотвращают эрозию почвы. Кроме того, деревья являются важным ресурсом для древесины, пищи и многих других продуктов, необходимых человеку. Различные виды деревьев могут быть использованы для сушки в различных целях. Люди выращивали плодовые деревья, такие как яблоня, груша, абрикос, инжир и многие другие, чтобы сушить их плоды для получения сухофруктов. Ещё есть хвойные деревья. Такие деревья, как сосна и ель, также использовали для производства древесины, которая используется для строительства дома и других сооружений. Ещё люди выращивают деревья для формирования красивой и ухоженной кроны, что способствует улучшению внешнего вида сада или ландшафта. Листья деревьев использовали для кормления животных. Срубленные деревья используют в качестве дров, чтобы зимой согреться. Сушили фрукты и из них готовили разные виды варенья, соки, повидло и другие сладости, чтобы зимой не остаться без еды или же варенье очень полезно во время болезни.

Dakun – номинативная единица шуг. *dakun* – разновидность нар тадж. *dukon* – мастерская ремесленника, которая в основном сооружается во дворе, около традиционного памирского дома. Это такие виды нар, которые представляют собой отполированную камнями площадку, около полуметра вышиной. Обычно в летний период обитатели дома на этом глинобитном сооружении проводили время.

Manjan – очень удобное место которое находится вблизи памирского дома сооружается также другая разновидность нар, для обозначения которых используются лексические единицы шуг. *manjan* также шуг. *tapcan(ak)*. Такие нары в основном сооружаются при помощи дерева и металла. Все лексические единицы для обозначения нар, сооруженных около дома, широко используются в шуг.-руш. группе языков и общеизвестны носителям языков.

Wužra (вуджра). Слово *wužra* представляет собой развитую форму комнаты и название типа дома, который в словаре объясняется следующим образом: комната а. 1. маленькие домики в медресе, где жили студенты медресе. 2. в основном небольшие дома [2008, 3.2,517].

Отсюда видно, что слово *wužra* стало употребляться в новый период формирования иранских языков, в том числе таджикского, от арабского языка до таджикского. После этого через таджикский язык и другие нелинейные языки восточноиранские языки Таджикистана также включили в себя некоторые фонетические различия и стали общими в их языке.

Несмотря на то, что в группе памирских языков голос гортанного и глухого согласного «х» не произносится, особенно в начале слова, поэтому в шугнанском языке он претерпел вокальную эволюцию, согласная *h* превратился в согласную «и» и принял форму *wužra*. Кроме того, изменился голос звонкого согласного «ч» в шугнанском и голос звонкого согласного ж (ž).

Dāliz. Лексика шугнанского языка, как и в других языках содержит много слов. С другой стороны, в лексический состав прямо или косвенно вошли многие слова из различных областей. Шугнанский язык, один из которых связан с темой нашего исследования. *Dāliz* – развитая форма таджикского литературного языка. Отсюда видно, что в шугнанском языке народный согласный звук «х», который в шугнанских языках не произносится, сокращается от первого слога слова. В «словаре таджикского языка» рассматриваемое слово имеет несколько фонетических вариаций, в том числе *давлез*, *дехлез*, *дадлеза*, *дехлеза*, что указывает на его древнее происхождение. Составители словаря объясняли это слово в следующем смысле:

1. вход, небольшой дом, канализация и водосток, из которого попадают в большой дом.

2. верхний коридор между воротами и дверью дома, а также узкий подъезд [1969, т. 1358]. Сегодня это слово используется в таджикском языке и его диалектах в значении «*коридор, тротуар*». В таджикской и русской культуре слово *дахлез* в русском языке имеет следующие значения: *дахлез* 1. прихожая, передняя; 2. коридор; 3. Открытая галерея [2006, 1943]. В шугнанском языке это также означает небольшой дом, откуда можно войти в главный дом; вход. В таджикской и персидской культурах нет упоминаний о его историческом происхождении. Поэтому можно сказать, что эта калина создавалась в новые периоды развития персидско-таджикского языка и расширялись масштабы ее распространения в персоязычном ареале.

Dišid – это слово родственно внешней части слова дом, оно означает покрытие здания, верх дома, который на таджикском языке широко известен как – *бом*. *Dišid* – простое по структуре слово, принадлежащее языку шугнанского народа. Слово *dišid* используется в некоторых памирских диалектах, таких как рушанский, хуфский и рошарвский с некоторыми фонетическими различиями, такими как *dišad/t*. Судя по всему, разница в наблюдается только в конце слова.

Čirdak. Слов *čirdak* – на шугнанском языке означает внешнюю сторону потолка дома, которая в таджикском языке широко известна как *бом* и можно наблюдать дополнительные выражения с этой лексемой.

Gijaden. Шугнанский народ очень любит заниматься хозяйством. Особенно в кишлаке, в каждом доме есть коровы, козы и очень много других разных домашних животных. Потому что люди употребляют всё натуральное и молоко, и мясо и много других натуральных продуктов. Потому что коровы и козы представляют молоко, которое можно использовать для приготовления молочных продуктов, такие как сыр, йогурт и масло. Это может быть важным источником пищи для дома. И строили они эти места для хранения домашних животных.

Xed – слово, которое используется для обозначения загона для скота на лестовке или в самом кишлаке и, как правило, такое сооружение строится из камней, то есть оно представляет собой каменную ограду открытого типа.

Выводы ко второй главе

В рамках исследования была проведена всесторонняя семантическая и лексическая характеристика терминов и выражений, связанных с процессом строительства дома. На основе анализа лексического материала были выявлены ключевые семантические поля, структурирующие данную лексику, и определены основные направления её использования.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Лексика, связанная со строительством дома, характеризуется высокой степенью специализированности и наличием множества терминов, специфичных для различных этапов строительного процесса.
2. Основными семантическими полями данной лексики являются: строительные материалы, строительные и архитектурные элементы и конструкции.
3. Важной особенностью строительной лексики является её

динамизм и постоянное обновление в связи со старой и с появлением новых технологий и материалов.

Семантический анализ показал, что многие термины и выражения, используемые в строительстве, имеют полисемантический характер и могут интерпретироваться в зависимости от контекста. Результаты данного исследования могут быть полезны для разработки учебных материалов и словарей, а также для специалистов, занимающихся переводом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании были рассмотрены лексико-семантические и структурные особенности концепта «дом» в шугнанском и таджикском языках. В рамках работы была проведена комплексная лексико-семантическая и структурная характеристика, направленная на выявление специфики употребления и значений концепта «дом» в данных языках. Основные результаты исследования можно суммировать следующим образом:

1. Лексико-семантический анализ в шугнанском и таджикском языках концепта «*čīd*» – дом представлен различными лексическими единицами, которые охватывают широкий спектр значений, связанных с жильем, местом проживания и семейными ценностями. В обоих языках наблюдаются как общие, так и уникальные для каждого языка семантические оттенки.

2. В ходе анализа были выявлены ключевые семантические поля, связанные с концептом «дом». В шугнанском языке данное понятие тесно связано с культурными и традиционными аспектами жизни.

3. Были проанализированы синтаксические конструкции и фразеологизмы, в которых используется концепт «дом». В шугнанском языке доминируют традиционные и метафорические выражения, отражающие глубокие культурные корни. В таджикском языке наблюдается тенденция к более функциональным и бытовым выражениям.

4. Концепт «дом» охватывает широкую палитру значений, связанных с понятием жилья и семейных уз. В обоих языках «дом» выступает центральным элементом культурных и социальных представлений, отражая важность традиций.

Данное исследование было посвящено изучению лексико-семантических и структурных особенностей концепта «*čīd*» – дом в шугнанском и таджикском языках. В рамках работы был проведен детальный анализ лексического материала, что позволило выявить как общие, так и

специфические черты данного концепта в каждом из языков. В шугнанском и таджикском языках концепт «*сїд*» – дом охватывает широкую палитру значений, связанных с понятием жилья. В обоих языках «дом» выступает центральным элементом культурных и социальных представлений. Анализ лексики показал, что в шугнанском языке для обозначения различных аспектов дома используются специфические термины и выражения, многие из которых не имеют прямых аналогов в таджикском языке. В таджикском языке наблюдается более широкий спектр лексических средств, включающих как традиционные, так и современные термины. Можно сказать что, в обоих языках концепт «дом» не является статичным и изменяется под влиянием современных социальных условий. В таджикском языке это выражается в появлении новых терминов, связанных с урбанистическими реалиями. В шугнанском языке сохраняются традиционные значения, но также наблюдается адаптация к современным условиям.

В заключение можно отметить, что лексико-семантический и структурный анализ концепта «*сїд*» – дом в шугнанском и таджикском языках позволяет лучше понять культурные и языковые особенности данных народов, а также способствует сохранению и популяризации их богатого культурного наследия. Полученные результаты важны как для научного сообщества, так и для практического применения в образовательной и культурной сферах.

В заключении также подведены основные итоги исследования лексики строительных терминов тесным образом связаны с лексикой общего употребления и активно взаимодействуют с языком массовой коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. На русском языке

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. 1-4,- М. Л.1958. – 1278 с.
2. Абдурахмонов, У.С. Использование инфинитива с глаголами выражающие начало действия в современном таджикском и персидском языке. / У. С. Абдурахмонов // советская школа – 1979. № 6. – 33-36 с.
3. Адмони Л.Г. Полевая структура частей речи [на материале числительных] // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. - Л.: АН СССР.1965.-236 с.
4. Аламшоев М.М. Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков). Автореф. и диссер. канд. филол. наук, Душанбе, 1992. – 26 с.
5. Аламшоев М.М. Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирским языков). Душанбе, 1994. – 162 с.
6. Алексеев М.Е. Именные словосочетания в шугнанском языке – «Народные Азии и Африки», 1973, №6. – 131-136 с.
7. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Быт и язык. Ч.1в.1. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. отделение литература и языка АН СССР. М. – Л., 1947, – С.42-48.
8. Андреев М.С. «Наречение имени»// Таджики далины Хуф [верховья реки Аму-Дарьи]. – Сталинабад, 1953. – 54 с.
9. Андреев М.С. Таджики далины Хуф [верховья реки Аму-Дарьи] // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. Т.7. Вып. 1. Сталинабад, 1953. -179 с.
10. Андреев, М.С. Язгулямский язык. Таблица глаголов / М.С. Адреев. –Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1930, – 17с.
11. Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты с приложением

- ягнобского- русского словаря, составленного М.С. Андреев, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик : Академии наук СССР, 1957. – 392 с.
12. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. - М.: Просвещение, 1989. - 259 с. Апресян В. Ю. Уступительность как системообразующий смысл// Вопр. языкознания. – 2006. - № 2. – 85-110 с.
  13. Артыкова Х.А. Пространственные и временные значения, выражаемые первообразными предлогами русского языка и их эквиваленты в таджикском языке. Автореф. и диссер. канд.филол. наук, Душанбе – 1969. – 26 с.
  14. Артыкова Х.А. Пространственные значения русских первообразных предлогов и соответствия им в таджикском языке // ИООН (Изв. Отд. обществ, наук АН Тадж. ССР). (Сталинабад) Душанбе, 1961, №4. – 54 с.
  15. Ахманова О.С. О роли служебных слов в словосочетании // Докл. и сообщ. ИЯ АН СССР, № 2, 1962.-25с.
  16. Бабкин А.М. предлоги как объект лексикографии. Лексикографический сборник. Москва, вып.3. -1958.-69-76 с.
  17. Баринаева И.В. Семантика предлогов, выражающих временные отношения в современном английском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1999. – 140 с.
  18. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1961. -165 с.
  19. Бахтибеков, Т. Грамматика шугнанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 / Бахтибеков Т.К. –М., 1974. –37 с.
  20. Бахтибеков, Т.К. Грамматика шугнанского языка // Т. К. Бахтибеков. – Душанбе: Дониш. 1979. – 146 с.
  21. Бахтибеков Т.К. Семантико-грамматические особенности шугнанской антропони. Иранские языкознание, М., 1981. – 86-97 с.
  22. Бахтибеков т. к. Местоимение в шугнанском языке // Таджикские местоимение. Душанбе, 1977. – 86 с.
  23. Бахтибеков Т.К. Грамматика шугнанского языка. Душанбе: Ирфон,

1979. – 61-66 с.
24. Беликов В.И. К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // Памирские языки и фольклор. 1. Душанбе. 1972. – 85 с.
  25. Боголюбов М.Н. Ягнобский (новосогдийский) язык, исследование и материалы. АДД, Л., 1956. – 57 с.
  26. Боголюбов М.Н. Ягнобский язык. – Языки народов СССР. – Т. I. – Индоевропейские языки. – М., 1966. – 64 с.
  27. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961 – 65 с.
  28. Бондаренко В.С. Пространственные отношения, выражаемые с помощью предлогов // Уч. зап. МПШ. М., 1954, вып. 3. Т.-33-78 с.
  29. Большая советская энциклопедия. Том 1. - Сов. Энцикл. – 832с.
  30. Большая советская энциклопедия. Том 2. - Сов. Энцикл. – 800с.
  31. Большая советская энциклопедия. Том 3. - Сов. Энцикл. – 800с.
  32. Бондарко А. В. К функциональному анализу элементов разных языках уровней. // Единицы разных уровней грамматического строя языках и их взаимодействие. 2001- М., 1969. – 246-256 с.
  33. Блаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч.П.-М.: Учпедгиз.1953. - 178с.
  34. Бушлаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Бушлаева – М.: Учпедиз, 1959. –622 с.
  35. Беликов В.И. К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // Поморские языки и фольклор.1. Душанбе, 1972. -34 - 36 с.
  36. Борковская И. Б., Рейман Е. А., Успенская Н. В. Предлоги в английском языке. – Л.: Наука. Ленингр. Отд., 1973. - 128 с.
  37. Богданов, В.В. Семантико-грамматический статус инфинитива. Опыт типологического анализа / В. В. Богданов // Исследования по семантике: Лексическая и грамматическая семантика. – Уфа: БГУ, 1980. – 164-182 с.

38. Бондаренко В.С. Пространственные отношения, выражаемые с помощью предлогов // Уч.зап. МГПИ. М., 1954, вып.3, т.33.
39. Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. – 278 с.
40. Брицын, В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке // В.М. Брицын. АН УССР. Ин-т языковедения им. А.А. Потебни: Отв. ред. Г. П. Ижакевич. – Киев: Наук.думка, 1990. – 320 с.
41. Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками (романский лингвистический материал). М.,1985. – 143 с.
42. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. -614с.
43. Виноградов В.В. Современный русский язык. Введение в грамматическое учение о слове, вып. 1. М., 1938. – 110-114 с.
44. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. – 599с.
45. Виноградов. В. В Современный русский язык. Морфология. М., МГУ, 1952. – 186 с.
46. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., Наука, 1975. – 196 с.
47. Всеволодова Н.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975. – 184 с.
48. Востоков А. Х. Русская грамматика. Москва: Наука, 1974. – 234 с.
49. Газизова Л. В. Пространственные динамические предлоги со значением «движение из исходного пункта» в английском языке / Л.В. Газизова. Диссер. канд. филол. наук. - Уфа, 1999. – 149 с.
50. Ганиева Н. Р. Аспекты исследования глаголов речи в современном языкознании // Бахори дониш. - Худжанд, 2003. – 103-109 с.
51. Гарипова Н. Д. Таджикские первичные предлоги в историческом освещении. М. 1955. АКД. – 98 с.
52. Гарунова К. Послелог *miad* в выражении пространственных отношений

- в аварском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. – 87-94 с.
53. Горохова И.М. Филиппова Н. А. Пособие по сопоставительной грамматике нем. и русского языков.- М.: Высш. шк. 1985. - 191 с.
54. Грюнберг А.Л. Эдельман Д.И. Афганский язык // ОИЯ: Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.-с.
55. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматика. // Проблемы структурной синтагматики. - М.,1971. – 58- 69 с.
56. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Изд. Международные отношения, 1977. – 264с.
57. Герценберг А.Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972. – 178 с.
58. Гербек Е.Э. Фасадные предлоги в когнитивном аспекте: на мат. русского, испанского и галийского языков /Дисссер. канд. филол. наук. – СПб, 1997. – 459 с.
59. Грюнберг А.Л. Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976. – 122 с.
60. Грюнберг, А.Л. Языки восточного Гиндукуша. Ваханский язык. Тексты, словарь, грам. Очерк / А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский: Отв. ред. В.С. Соколова. –М.: Наука, 1976. – 670 с.
61. Грамматика русского языка. В двух томах. - М.: Изд. АН СССР, 1960. Т.1- 719 с.
62. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷ.1. Фонетика ва морфология. Душанбе. 1985. – 356с.
63. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е. И. Грамматико – лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 198 с.
64. Давлатмирова М.Б. Фонетические изменения заимствованных слов в шугнано-рушанской группе языков // Вопросы памироведения. Выпуск 5. Душанбе: Дониш, 2003. – 72-78 с.
65. Давлатмирова, М.Б. Особенности арабских заимствованных слов в

- языках шугнано-рушанской группы в сравнительно-сопоставительном освещении // М.Б. Давлатмирова: диссер. канд. филол. наук. – Душанбе, 2004. – 141 с.
66. Давлатмирова, М.Б. Особенности арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы в сравнительно-сопоставительном освещении // М.Б. Давлатмирова: автореф. диссер. канд. филол. наук. Душанбе. 2004. – 24 с.
67. Дворянинова Г.С., Левицкий Ю.А. Система пространственно-временных предлогов. Пермь, 1980. – 87 с.
68. Дворянинова Г.С. Левицкий Ю. А. Система пространственной – временных предлогов. Пермь., 1980. – 154 с.
69. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. М., 1979. -120 с.
70. Дудочкина О.Г. Пространственная динамическая семантика предлогов "across", "over", "through" / О.Г. Дудочкина. Автореф.диссер. канд. филол. наук. - <http://www.bspu.ru/facultet/inf/pdud99.htm>.1999. – 27 с.
71. Дьяков. Языки Советского Памира / сборник культура и письменность Востока, кн., М., 1931. – 87 с.
72. Джамshedов П.Дж., Сравнительная-типология английского и таджикского языков Душанбе, 1988г. Душанбе 2008. – 978с.
73. Джамshedов П. Саидмамадов А. Сравнительная типология родного и иностранного языков [учебное пособие] – Душанбе РТСУ, 2014. – 345 с.
74. Джамshedов, П. Семантика видов в русском, таджикском и английском языках: Учебное пособие / П. Джамshedов: Отв. ред. Л.Г. Герценберг. – Душанбе: Маориф, 1988. – 175 с.
75. Додихудоев, Р.Х. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка / Р.Х. Додихудоев. –Душанбе:Таджик. гос. ун-т им. В. И. Ленина. 1962. – 52 с.
76. Додихудоева, Л.Р. Шугнанский глагол в историческом освещении / Л.Р. Додихудоева: Отв. ред. Д. И. Эдельман. –Душанбе: Дониш, 1988. – 198 с.

77. Додихудоева, Л.Р. К вопросу об изучении истории шугнанского языка / Л.Р. Додихудоева // Известия Академии наук Таджикской ССР. – Душанбе, 1982. – № 2 (108). – 70-75 с.
78. Додихудоев Р.Х. Инструкция таджикского языка. Душанбе, 1988.- 46 с.
79. Додихудоев Р.Х., Герценберг Л. Г. История таджикского языка.- Д.: Образование.1988. – 216 с.
80. Дудников, А.В. Современный русский язык: Учеб.для вузов союз. и авт.респ. / А.В. Дудников. – М.: Высшая школа, 1990. – 423 с.
81. Жирмунский, В. М. О природе частей речи и их классификации //Вопросы теории частей речи; АН СССР. Ин-т языкознания. -Л, 1968. -7-32 с.
82. Зарубин И.И. Бартангские и рушанские тексты и словарь. Л., 1937. -192 с.
83. Зарубин И.И. Рошорвские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 г. вып. VI, Л., 1930. -210 с.
84. Зарубин, И.И. Орошорские тексты и словарь: Труды Памирской экспедиции 1928 / И.И. Зарубин. Вып. IV. Лингвистика. –Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1930. –109 с.
85. Зарубин, И. И. Бартангские и рушанские тексты и словарь / И.И. Зарубин. –М.: –Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 1937. –197 с.
86. Зарубин, И. И. Шугнанские тексты и словарь / И.И. Зарубин. –М.: Изд-во Акад. наук СССР. 1960. –387 с.
87. Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 400 с.
88. Иванов Д. Л. Шугнан. Афганские очерки. – Вестник Европы, 1885, №6. -48-58 с.
89. Исмоилзода, Э. С. Грамматические особенности конструкций с модальными глаголами в таджикском и английском языках / авторе.дис. канд. филолог. наук: 10.02.20 / Исмолзода Эраджи Содик. Душанбе, 2011.

- 26 с.
90. Каннер, Л.М. Обособленные инфинитивные обороты в современном немецком языке / Л. М. Каннер // Ученые записки ЛГПИ имени А. И.–Герцена. 1963. – С. 47-60.
  91. Карамхудоев, Н. Бартангский язык / Н. Карамхудоев: Отв. ред. А.Л. Хромов, Н. Бозидов. – Душанбе: Дониш, 1973. –366 с.
  92. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. - М.: Просвещение, 1979. - 223 с.
  93. Карамшоев Д. Сектор памирских языков Института языка и литературы АН ТаджССР и перспективы его работы / Д. Карамшоев // Вопросы языкознания. –1970. –№4. – 23-42 с.
  94. Карамшоев, Д. Категория рода в памирских языках (шуг–руш группа) / Д. Карамшоев. ч. II, Душанбе: Дониш, 1986. – 356 с
  95. Карамшоев, Д. Сравнительный анализ ряда слов «Авесты» и памирских языков / Д. Карамшоев // Проблемы языка, культуры, искусство и философии Востока. – Душанбе. 2001. – С.115-122.
  96. Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. АН. Тадж. ССР. – Душанбе 1963.- 473 с.
  97. Карамшоев Д. Категория рода в Памирских языках (шугнано рушанской группе) Душанбе 1978, том 1.-76 с.
  98. Карамшоев Д. Развитие памирских языков на современном этапе-совещание по общим вопросам диалектологии к истории языка (тез.Доклад и сообщения) М., 1982.-45 с.
  99. Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь / Д. Карамшоев. В трех томах.т. 1. А–З. –М.: Наука, 1991. –576 с.
  100. Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь / Д. Карамшоев. В трех томах.т. 2. И–С. –М.: Наука, 1991. –614 с.
  101. Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь / Д. Карамшоев. В трех томах.т. 3. Т–Ч. – М.: Восточная литература, 1999. –568 с.
  102. Карамшоев Д. Русско-шугнанский словарь (на основании данных 3–

- томного Шугнанско-русского словаря) / Д. Карамшоев. т. 4. –Душанбе: Главная научная ред. тадж. национальной энциклопедии, 2005. –278 с.
103. Карамшоев Д. Словарь инфинитивов шугнано–рушанской группе языков // Словарь инфинитивов иранских языков и диалектов Таджикистана (на тадж и перс. языках). –ч. 2. –Душанбе: Пайванд, 1997. – 444 с.
104. Карамхудоев Н. Бартангский язык, Душанбе 1973. -279 с.
105. Каримова А. К истории возникновения некоторых фразеологизмов в рушанском языке. – Забоншиносии тоҷик. Душанбе, 1984. -217-220 с.
106. Культура таджикского и русского языка; Д.Саймиддинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. Душанбе: Пайванд, 2006.-813 с.
107. Кулинич Е. Г. Отыменные предлоги в современных восточнославянских литературных языках. Автореф. диссер. канд. филол. наук. М., 1960. -37 с.
108. Курбанов Х. Причастия в рошорвском языке (к характеристике шугнано рушанской группы памирских языков, синхроннотипологические исследования на материале языковых систем), М., 1972.-270-276 с.
109. Курбанов, Х. Личные глагольные формы в о рошорском языке / Х. Курбанов // Памирские языки и фольклор, вып. I. –Душанбе, 1972. –47-64 с.
110. Курбанов Х. Рошорвский язык. Х. Курбанов. Душанбе: Дониш, 1976. – 314 с.
111. Лашкарбеков Б.Б. О говорных различиях ваханского языка. – Исследования по грамматике языков народов СССР. М., 1975. – С. 72-83.
112. Левковская К.А. Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика: учебник. – 2-е изд. – М.: Издательство Московского университета; Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
113. Лекант, П.А. Современный русский язык: Пособие для студ. сузов пед. профиля / П. А. Лекант, Е. В. Клобуков, Т. В Маркелова и др. – М.: Дрофа, 2001. –448 с.

114. Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык. – Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. – 186 с.
115. Лившиц, В. А. Иранские языки народов средней Азии / В. А. Лившиц: Под ред. С. П. Толстого. // Народы средней Азии и Казахстана. В 2-х томах. т. 1–М., Изд-во Акад. Наук СССР. 1962. – 768 с.
116. Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (1). – Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековья (история и культура) М., 1981. – 121 с.
117. Лившиц В.А. Согдийские слова в таджикском языке. ИООН АН Тадж. ССР. В.А. Лившиц. – Душанбе, 1957, № 12. – С.31-43.
118. Махмудов М., Бердиев Б. Луғати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро [Матн] – Душанбе: Дониш, 1989. – 287 с.
119. Мамадасламов М.С. О пространственно – временных функциях предлогов в шугнано рушанской группе памирских языков // О предлогах шугнано рушанской группы памирских языков. – Душанбе: Дониш, 1999. – 46 с.
120. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высш. Школа, 1975. – 278 с.
121. Маслов Ю.С. Введение в языкознание: уч для филол. Спец. Вузов. - 2-е изд., перераб.И доп. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
122. Мирзоабдинова С. Пешояндҳои шеваи хуф. Помиршиноси (масъалаҳои филология), Душанбе, 1975. – С.12-19.
123. Мирзоабдинова С. Пешояндҳои шеваи хуф. тез.доклад. конф. Молодых ученых и специалистов Тадж. ССР, Душанбе, 1974. – С.72 -77.
124. Мирзоабдинова С. Шеваи Хуфи забони рушони, Душанбе: Дониш, 1983. – 76 с.
125. Мирзаджанова М.К. О семантическом анализе локальных предлогов и выражаемых ими отношений в английском и таджикском языках // Вестник Таджикского государственного университета права бизнеса и политики. – Душанбе, 2011, № (67), – С.325- 330.

126. Мирзоев С. Суннатҳои маҳаллӣ ва сурудҳои яғнобӣ . – Душанбе : ҚДММ “ Кантраст”, 2012. – 167 с.
127. Mahshid Moshiri. Persian Dictionary(alphabetical-analogical)-Tehran; Soroush Press, 1990. – 1190 с.
128. Муравьева, И.А. Чередования гласных в шугнанском глаголе / И.А. Муравьева // Памирские языки и фольклор. Вып. I. –Душанбе, 1972. – 41-47 с.
129. Муравьева, И.А. Непозиционные чередования фонем в шугнанском языке / И.А. Муравьева // Исследование по структурной и прикладной лингвистики: сб науч. ст. – М. 1975. – С.124-135.
130. Назарова, З.О. Система ишкашимского глагола (в сопоставлении с бадахшанско-таджикским) / З.О. Назарова: Отв. ред. Т.Н. Пахалина. – М.: МЭЙН, 1998. – 140 с.
131. Нарумов Б.П. Выражение пространственных отношений предлогами в сочетании с существительными (на материале романских языков). АКД. М., 1975. – 167 с.
132. Неменова Р.А. Предлоги в таджикском языке. Сталинабад, 1954. – 176 с.
133. Немкова, Л.П. Согласование времен в древнеанглийском языке в сопоставлении с древнеисландским. – Ленинград: ГПИ,1972. – 70 с.
134. Некрасов, Н.А. О значении форм русского глагола / Н.А. Некрасов. СПб – М.: Учпедгизд, 1985. –702 с.
135. Оранский, И.М. Введения в иранскую филологию / И. М. Оранский: Под ред. А.А. Фреймана. – М.: Наука. 1960. – 490 с.
136. Оранский, И.М. Иранские языки в историческом освещении / И.М. Оранский. –М.: Наука, 1979. – 238 с.
137. Отчет профессора Готье Р.И., Зарубина И.И. по командировке на Памир летом 1914г. «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» серия П. №3, 1914. – 74 с.
138. Панфилов В. З. Грамматика и логика 1963. – 357 с.

139. Пахалина. Т.Н. Сарыкольский диалект и его отношение к другим диалектам шугнано-рушанской группы в серии «Доклады делегации СССР на 25 меж. Конгрессе востоковедов». М., 1960. – 46 с.
140. Пахалина Т.Н. Характеристика сарыкольского диалекта. – Иранский сборник. М., 1963. – С. 81-194.
141. Пахалина Т.Н. Сравнительный обзор памирских языков –«страны и народы Востока», т.16, Памир М., 1975. – 189 с.
142. Пахалина Т.Н. Иранские языки малых народностей Советского Союза Т.Н. Пахалина: Отв. ред. Е. А. Бокарев и Ю.Д. Доверие //Младописьменные языки народов СССР: сб. науч. ст. – М.-Л. Изд-во Акад. наук СССР. 1959. – С. 475-481.
143. Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы её исторического развития // В.Я. 1976 №4, С.19-26. Наука, 1977. – 287с.
144. Пекар, В.И. Семантика предлогов вертикальной соподожженности в когнитивном аспекте (на материале английских предлогов above и over) / В. И. Пекар. Диссер. канд. филол. наук. Уфа, 2000. – 157 с.
145. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. –М.: Учпедгиз. 1957. – 511с.
146. Преображенский А.В. Диссер. канд. филол. наук. Л., 1991. – 215 с.
147. Писарчик А.К. Рушанские тексты и словарь, Душанбе – Ленинград, 1954. – 27 с.
148. Рассказова, О.А. К вопросу о функционально-семантической категории. // Вестник Харьков. Ун-та. -1979. -№185. – Иностранные языки. - Вып.12. – 48 с.
149. Рустамов Ш. Существительное (граматические категории, словообразование и положение существительного в системе частей речика). Душанбе 1981. – 218 с.
150. Раджабов Н.Ф. Предлоги со значением времени в немецком языке // Вестник Таджикского Национального университета. Душанбе «Сино»,

- 2015- № 4/3 (159), серия филология. – С.67-71.
151. Раджабов Н.Ф. Предлоги со значением пространства в немецком и таджикском языках // Вестник Таджикского Национального университета. Душанбе «Сино», 2015- № 4/4 (163), серия филология. – С.84-89.
152. Раджабов Н.Ф. Сопоставительно- типологический анализ предлогов в немецком и таджикском языках: дис. канл. филол. Наук. – Душанбе 2015 – 134 с.
153. Русско-таджикский словарь. том.1. (под редакцией Холматовой С.Д., Султонова М.Б., Душанбе: Дониш, 2017. – 905 с.
154. Раджабов Н.Ф. Функции предлогов в системе частей речи немецкого языка // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: «Сино», 2015. - № 34/5 (174), серия филология. – С.76-81.
155. Расторгуева В.С. Новоиранские языки. М., 1967.-86 с.
156. Расторгуева В.С. Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. – Т. 1-2. – М., 2000.
157. Расторгуева В.С. Иранские языки / В.С. Расторгуева: Отв. ред. Ф.П. Филин // Советское языкознание за 50 лет: сб. науч. ст. –М.: Наука. 1967. – С. 171-190.
158. Реформатский А.А. К вопросу о фономорфологической делимитации слова// Морфологическая структура слова в языке различных типов. - Москва-Ленинград: АН СССР, 1963. – С. 60-76.
159. Реформатский А.А. Введение в языкознание – М.: Аспект Пресс, 2005. - 536 с.
160. Садирова Б.Д. Сравнительно-сопоставительный анализ предлогов, выражающих временные отношения в таджикском и английском языках // Вестник университета. Сер.: филология. –Душанбе, 2012. № 3 (38). – 221 – 225 с.
161. Садирова Б.Д. Сопоставительный анализ предлогов, выражающих временные отношения в таджикском и английском языках: дис. канд. филол. наук. – Душанбе, 2014. – 190с.

162. Сайдмамадов А.А. Семантическая стратификация пространственных предлогов в разноструктурных языках. Актуальные вопросы филологии. – Душанбе: РТСУ, 2009. – 21-29 с.
163. Самариддинов, К.Н. Функционально-семантические типы инфинитивных предложений русского языка и способы их передачи в английском и таджикском языках / автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.20 / Самариддинов Курбон Наимович. Душанбе, 2013. – 24 с.
164. Словарь инфинитивов иранских языков и диалектов Таджикистана (на тадж и перс.языках) / Отв. ред. Маъсуди Қосим. В 2-х ч. – ч.1. –Душанбе: Пайванд, 1997. – 270 с.
165. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. -М.: Наука, 1980. – 294 с.
166. Смирницкий А.И. Сравнительная фонетика ново германских языков. МГУ, 1962. – 156 с.
167. Смола В.С. Способы и средства передачи конструкций с инфинитивом русского языка на таджикский язык / диссер. канд. филол.наук: 10. 661 / В. С. Смола.– Душанбе, 1972. – 148 с.
168. Соколова В. С. Рушанские и хамское тексты и словарь. / В. С. Соколова. М.: –Л.: Изд-во Акад. Наук СССР. 1959. – 240 с.
169. Соколова, В. С. История изучения бесписьменных иранских языков / В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг. // Очерки по истории изучения иранских языков. –М.: Изд-во Акад. Наук СССР. 1962. – С.118-132.
170. Соколова, В. С. К уточнению классификации шугнано-рушанской группы памирских языков // Иранский сборник. – М.: Изд. вост. лит. 1963. – С.70-8.
171. Солнцев В.М. язык – как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. – С. 15- 18.
172. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Наука, 1975. – 311 с.
173. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение,

1975. – 271с.
174. Степанова З.М. Роль предлогов в формировании лингвокультурологических особенностей пространственных концептов :На материале русского и французского языков. Дисс. к.ф.н. Ульяновск, 2006. – 207 с.
175. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. - М.: Высш. шк., 1978. – 257 с.
176. Спивак Л.Н. Лексико-семантический анализ предлогов современного немецкого языка. – Автореф. - М., Моск. гос. пед. ин-т. иностр. языка им. Мориса Тереза, 1979. – 23 с.
177. Сущинский И.И. Предлоги в современном немецком языкею. Лист, М.: 1998. – 176 с.
178. Съедин В.Н. Предлоги немецкого языка. Москва, 1963. – 194 с.
179. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка [Текст]: Просвещение, 1978. – 728 с.
182. Файзов М. Система рушанского глагола / М. Файзов // Изв. АН тадж. ССР. Отд. общ. наук. –Душанбе, 1964. –№ 1(37). – 230 с.
- 183.Файзов М. Личные и указательные местоимения рушанского языка- сборник статей по памирским языкам и истории таджикск. языка Душанбе, 1963. – С.36-40.
184. Файзов М. Имя прилагательное, в рушанском языке. Изв. АН ТАД ССР, 1965, №2. – С. 54-58.
185. Файзов М. Язык рушанцев Советского Памира, Душанбе, 1966. – 278 с.
186. Файзов М. Система рушанского глагола. Известия, АН Тадж ССР №1, 1964. С. 72-79
187. Краткая культура «Шохнома». Душанбе. 1992. – 326 с.
188. Шанбезода Х. Функциональная дистрибуция языков малых народностей в условиях многоязычия (на материале шугнанского языка) (монография) – Душанбе: Нодир. – 2007. – 430 с.
- 189.Шамбезода Х.Д. Функционирование бесписьменного языка малой

- народности в условиях полиэтнического социума (на материале шугнанского языка в таджикской – русском окружении). Диссер. док. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 345 с.
190. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов: Отв. ред. Е.С. Истриной. –Л.: Учпедгиз. 1941. – 620 с.
- 191.Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., Наук, 1974. – 196 с.
- 192.Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. ЛГУ, 1958. Т.1. – 276 с.
- 193.Шерер В.Э. К вопросу об адекватности предлогов и послелогов // Семантико-синтаксические связи в языках разных систем. Кемерово, 1983. – 64 с.
- 194.Эдельман Д.И. Современное состояние изучения памирских языков. – Вопросы языкознания, 1964, №1, – С.128-133.
- 195.Эдельман Д.И. Современное состояние изучения памирских языков. Вопросы языкознания, Москва. 1964. – С. 167-178.
- 196.Эдельман, Д.И. Рец. на книги: Карамшоев Д.Науки о Памире; Коллекционные материалы на памирских языках и фольклор. / Д. И. Эдельман // Народы Азии и Африки. – 1976. – № 5, – С.187-189.
- 197.Эдельман, Д.И. Ареальные черты в северно-памирской морфологии / Д. И. Эдельман // Иранское языкознание. Ежегодник. – М.: Наука, 1981. – С. 67-76.
- 198.Эдельман, Д.И. Шугнано-рушанская языковая группа // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки / Д.И. Эдельман. В 5 томах. Т.4., – М., 1987, – 396 с.
- 199.Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноэранских языков. –М. Наука, 1990. – 54 с.
- 200.Эдельман, Д.И. Шугнанский язык. / Д.И. Эдельман, Ш.П. Юсуфбеков 2000. – 74 с.
- 201.Эдельман, Д.И. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков:

- Морфология. Элементы синтаксиса / Д. И. Эдельман. –М.: Наука, 1990. – 287 с.
202. Эдельман Д.И. Язгулямско-русский словарь / Д.И. Эдельман. – М.: Наука, 1971. – 354 с.
203. Юсуфбеков Ш.П. Семантика и прагматика дейктических слов в языках шугнано-рушанской группы. М., 1992. – 76 с.
204. Юсуфбеков Ш.П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико- прагматические аспекты. М.,1998. – 150 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ОСНОВНЫХ СЛОВ КОНЦЕПТА “ЃЇД” И “ХОНА”

Колонна (колона) – вертикальная, прямая, толстая и высокая из дерева или камня, поддерживающая крышу крыльца и большого дома.

Жесть (тин) – широкие и тонкие листы железа, которыми покрывают крыши и изготавливают различные инструменты.

Арматура (арматура) – металлическая арматура, которая укладывается между железобетонными изделиями.

Стекло (шиша) – это прозрачное хрупкое тело, представляющее собой разновидность белого гравия, извести и некоторых других веществ, расплавленных в специальных печах и разлитых в различные формы.

Бетон (бетон) – смесь цемента, песка, гравия или щебня с водой, которая используется в качестве строительного материала.

Асбест (асбест) – минерал, противостоящий огню и не пропускающий тепло, а в искане – это стальной столярный инструмент для копания и прокалывания рукояти, которым протыкают древесину.

Цемент (цемент) – строительный материал, похожий на песок, который при смешивании с водой превращается в клейстер и используется для заливки арболита и вырезания на нем узоров.

Известь (окак) – белое вещество, похожее на известь, которое получают в результате обжига известняка.

Андова (plaster) – глиняная кельма, специальный инструмент для глины, сделанный из дерева или железа и используемый для разглаживания и распределения глины и штукатурки или для нанесения бетонных материалов на гладкие стены и крыши.

Дверь (дар) – деревянная или железная пластина для прикрытия входа в дом, двор, магазин, замок, а также открывающаяся и закрывающаяся часть чулана, которая размещается на стенах зданий для установки.

Камень (санг) – твердое тело горы, имеющее разные виды и цвета и используемое в строительстве для возведения зданий.

Дерево (дарахт) – используется в строительстве каркасов, перекрытий, дверей, и окон.

Металл (метал) – принимается для создания каркасов, арматуры, кровельных материалов и других конструкций.

Кровельные материалы (масолеҳи бомпушӣ) – шифер, металлочерепица, битумная плита и другие, предназначенные для покрытия крыш.

Гипс и гипсокартон (гач ва гипсакардон) – применяются для

внутренней отделки стен и потолков.

Краски и лаки (рангу лакҳо) – для отделки и защиты поверхностей.

Изоляционные материалы (масолеҳи изолясионӣ) – минеральная вата, пенные полистирол, и другие материалы для теплоизоляции и звукоизоляции.

Кирпич, блок (хишт, блок) – основные строительные блоки для возведение стен и фундаментов.

Пеноблок (блокҳои кафк) – легкие строительные блоки, обладающие хорошей теплоизоляцией.

Песок и щебень (қум ва шебен) – Важные компоненты для создания бетона и строительства дорожных покрытий.

**Краткий таджикско-русский словарь строительной лексики,
использованной в работе:**

Арра – пила	Мурваттоб – отвертка
Асбест – асбест	Меҳкуб – прибитый
Ароба – пригорок	Меъмор – архитектор
Автосамосвал – самосвал	Муҳандис – инженер
Арматура – арматура	Мантажчи – арматура
Андозагир – измеритель	Оҳангар – кузнец
Бинокор – строитель	Омехторибетонӣ – concrete
Болға – молоток	Перфоратор – сверло
Бел – лопатка	Пуруфил – профиль
Борбардор – вильчатый погрузчик	Праймер – праймер
Булдозер – бульдозер	Парма – сверло
Бетон – бетон	Прораб – прораб
Бетони оҳанин – железобетон	Рангкаш – художник
Гипсокортон – гипс	Хаткашак – линейка
Гайка – гайка	Сметатор – оценщик
Дуредгар – плотник	Сутун – колона
Дубел – нагель	Тунука – тунука
Дар – дверь	Семент – цемент
Зоғнӯл – ледоруб	Санг – камень
Искана – мять	Тарроҳ – конструктор
Кран – кран	Хишт – кирпич
Кафшери газӣ – газовая сварка	Челонгар – паяльщик
Кафшергар – сварщик	Шиша – стекло
Кранчи – кранщик	Шифер – шифер
Кандакор – скульптор	Элекромонтёр – электротехник
Меҳ – гвоздь	